

A woman with dark hair and green eyes stands in a lush, mountainous landscape. She is wearing a black, long-sleeved Victorian-style corset dress with a white lace collar and cuffs. The background features rolling green hills, a small wooden cabin, and majestic snow-capped mountains under a blue sky with soft clouds.

Патрушев Сергей

Наследница

Сергей Патрушев

Наследница

<https://litres.ru/74495117>

SelfPub; 2026

Аннотация

Анастасия Воронежская, дочь беглого философа и наследница мрачного гения, прибывает в столицу Нельвии. В мире, где правят мужчины, она отказывается играть по правилам: вместо слёз — шантаж, вместо дуэлей — банкротство врагов через логистику.

Построив нефтяную империю с нуля, железной рукой подчинив Королевскую стражу и купив лояльность толпы дешёвым хлебом, «Железная Дева» сталкивается с паникой старой аристократии.

Обвинённая в колдовстве, она спасает себя единственным оружием — интеллектом. Теперь ей предстоит сделать выбор между абсолютной властью над миром и единственной человеческой привязанностью, способной удержать её душу от полного оледенения.

Содержание

Глава 1. Черный ворон и алое вино	4
Глава 2. Дом, который дышит роскошью	24
Глава 3. Пересмотр штата	46
Глава 4. Тень покойного графа	69
Конец ознакомительного фрагмента.	85

Наследница

Глава 1. Черный ворон и алое вино

Карета остановилась так плавно, словно возница боялся расплескать ту звенящую тишину, которая повисла над владениями старого графа. Анастасия не стала дожидаться лакея. Она сама толкнула тяжелую дубовую дверцу, и та отворилась со звуком, похожим на вздох уставшего зверя. Ступив на мокрую брусчатку внутреннего двора, она первым делом вдохнула воздух полной грудью. Пахло прелой листвой, остывающим камнем и чем-то сладковато-глинистым — запахом свежей могилы, который ветер доносил из-за восточной стены парка.

На ней было платье цвета венозной крови, глубокого, почти черного в тени арочного проезда. Никакого траурного крепа, никаких вуалей, скрывающих лицо. Только тяжелый бархат, жесткие косточки корсета, впившиеся в ребра, и идеальная осанка женщины, привыкшей носить на своих плечах вес чужих ожиданий. Ее волосы цвета воронова крыла были собраны в простой, но безукоризненный узел на затылке, открывая длинную, бледную шею. Единственным украшением служила фамильная печатка на среднем пальце левой руки — массивная черная сталь, которую прежний владелец ее линии носил на охоте.

Она подняла взгляд. Особняк нависал над ней серой громадой позднего классицизма. Десятки окон второго этажа тускло отражали низкое ноябрьское небо. Ни одно из них не горело приветливым светом. Дом был мертв еще при жизни своего хозяина, а теперь окончательно превратился в склеп.

У парадного крыльца уже собралась толпа. Это была не скорбящая родня, сбившаяся в тесный круг поддержки. Это был паноптикум, выставка хищников, пришедших оценить добычу перед разделом. Старая знать, чьи имена значились в летописях империи задолго до того, как дед нынешнего государя заложил первый камень Петербурга. Бароны с лицами, напоминающими выдубленную кожу; графини, затянутые в тугие шелка, чей цвет варьировался от пепельного до темно-лилового; молодые наследники с беспокойными глазами игроков, считающие в уме возможные доли наследства.

Их шепот стих мгновенно, стоило лишь черной перчатке Анастасии коснуться локтя слуги, подававшего руку. Звук этого касания показался выстрелом в вакууме. Сотни глаз вонзились в нее. В их взглядах не было горя. Там плескалось чистое, незамутненное изумление, граничащее с суеверным ужасом.

— Помилуй Бог... — выдохнул кто-то из задних рядов, седоусый генерал с лентой через все пузо. — Сама явилась.

Анастасия позволила себе легкую паузу. Она медленно обвела взглядом лица, задерживаясь на каждом не более секунды. Этого хватило, чтобы большинство почувствовали

себя неуютно, будто их застигли за подсматриванием в замочную скважину. Она видела этих людей на балах Зимнего дворца, на скачках в Царском Селе, на премьерах в Мариинском театре. Они всегда смотрели сквозь нее, считая дочерью опального промышленника-высочки, жалкой парвеню, которой старый чудак-аристократ милостиво позволил дышать одним воздухом с ними. Теперь они смотрели прямо на нее, и во взгляде каждого читалась одна и та же лихорадочная мысль: *как?*

Дядя Илларион, брат покойного, чья линия имела куда больше прав на майорат по всем законам божеским и человеческим, выступил вперед. Его жабо топорщилось от негодования, а пухлые пальцы нервно теребили набалдашник трости. — Сударыня, — начал он голосом, дрожащим от сдерживаемой желчи. — Ваше присутствие здесь... неуместно. Граф скончался, не приходя в сознание, после третьего удара. Он никого не принимал последние полгода. Вы просто воспользовались его старческой... — Мой дядя умер в полном рассудке, Илларион Петрович, — перебила Анастасия. Голос ее звучал низко, без малейшего надрыва, с той спокойной уверенностью хирурга, делающего первый разрез. — И если вы сделаете еще один шаг ко мне, я буду вынуждена расценить это как попытку давления на единственную прямую наследницу. Оставайтесь там, где стоите. Ровно три шага назад. Я пока еще терплю ваше общество исключительно из уважения к процедуре прощания.

Илларион побагровел так, что казалось, жилы на его шее сейчас лопнут. Толпа позади него загудела, как растревоженный улей. Послышались возмущенные перешептывания: — Наглость... — Бесстыдство... — Да кем она себя возомнила? — Говорят, она жила в Швейцарии затворницей десять лет... — Какая Швейцария, судари, это дочь старой ведьмы! Старик совсем выжил из ума!

Анастасия даже не повернула головы на звук голосов. Она смотрела только на Иллариона, заставляя его чувствовать себя насекомым под увеличительным стеклом. — У вас есть возражения против моего права находиться в доме моего деда? — спросила она тихо. — Насколько я помню свод законов Российской империи, право присутствия на оглашении воли принадлежит тому, кто в этой воле упомянут. Если желаете оспорить мое существование, вам придется делать это в окружном суде. А туда, насколько мне известно, принято являться в сюртуках, а не с опухшим лицом после бессонной ночи в клубе.

Слова «суд» и «окружной» действовали на старую знать отрезвляюще, как ушат ледяной воды. Скандалы хороши для светской хроники, но судебные тяжбы пожирают состояния быстрее, чем моль съедает соболиные шубы. Илларион дернул кадыком, смерил ее полным ненависти взглядом и отступил, сливаясь с черно-серой массой родственников.

В этот момент тяжелые двери особняка распахнулись. На пороге возник стряпчий Игнатий Савельевич — маленький,

сухой человек в наглухо застегнутом черном рединготе. Лицо его цветом напоминало пергамент, а глаза за стеклами очков-пенсне казались двумя булавочными головками. В руках он сжимал кожаный портфель, прижимая его к груди, как спасательный круг. За его спиной маячил дворецкий Прохор — единственный человек в этом доме, чье лицо не выражало ничего, кроме вековой усталости камня.

— Господа, прошу в малую гостиную, — проскрипел стряпчий, не глядя ни на кого конкретно. — Время не ждет. Дела земные должны быть завершены до заката.

Толпа потекла внутрь, шурша шелками и скрипя сапогами. Анастасия пропустила всех вперед. Она шла последней, чувствуя, как взгляды жгут ей спину между лопаток. Мраморный пол холла блестел от влаги — полы явно мыли в спешке, и запах сырой тряпки смешивался с ароматом тубероз, которые садовник зачем-то расставил в вазонах вдоль лестницы. Запахи смерти и фальшивой жизни.

Малая гостиная встретила их спертым воздухом и холодом. Шторы были плотно задернуты, хотя день снаружи был относительно светлым. Камин не топили. Массивный стол красного дерева занимал центр комнаты, вокруг него стояли двенадцать жестких стульев с прямыми спинками. Для тех, кому стульев не хватило, остались стоять вдоль стен, переминаясь с ноги на ногу.

Игнатий Савельевич водрузил свой портфель на столешницу. Звук упавшей кожи прозвучал гулко, как удар колоко-

ла. Он обвел собравшихся взглядом, убедился, что все места заняты, откашлялся и открыл замок. Внутри лежала всего одна вещь — плотный конверт из дорогой вержированной бумаги, запечатанный сургучом с гербом рода: черный ворон, держащий в клюве сломанную алую розу.

Стряпчий взял со стола бронзовый нож для писем, но Анастасия сделала легкое движение рукой. — Не трудитесь, Игнатий Савельевич, — сказала она. — Я вскрою.

Она подошла к столу. Родственники затаили дыхание. Даже те, кто минуту назад шипел проклятия, теперь инстинктивно подались вперед. Тайнство чтения чужой воли обладает гипнотической силой, перед которой меркнет любая вражда. Все хотели услышать цифру. Хотели узнать, сколько сотен тысяч десятин леса, сколько золотых приисков на Урале, сколько акций железных дорог и векселей Государственного банка перейдет сегодня из одних рук в другие.

Анастасия взяла конверт. Ее пальцы, затянутые в тонкую кожу перчатки, легко сломали печать. Она извлекла сложенный вдвое лист. Развернула его. Пробежала глазами первые строки. Уголок ее губ едва заметно дрогнул — то ли в усмешке, то ли в признаке мимолетной брезгливости.

Она начала читать вслух. Без предисловий. Без подобающей моменту торжественности. — «Я, граф Алексей Николаевич Воронежский, находясь в здравом уме и твердой памяти, сим объявляю последнюю волю свою», — ровным голосом произнесла она. — «Моему брату Иллариону, племян-

никам Виктору и Георгию, кузену Павлу и прочим кровным родственникам, ныне присутствующим в этой гостиной или тем, кто узнает о моей кончине позже...»

Здесь она снова сделала паузу, поднимая глаза от бумаги. Взгляд ее скользнул по лицам Иллариона, Виктора, Павла. Мужчины невольно сглотнули. — «...я оставляю свое глубочайшее презрение».

По гостиной прошелестел единый, произвольный вздох. Кто-то икнул. Баронесса Крюгер схватилась за сердце, театрально закатывая глаза, но вовремя вспомнила, что находится не на сцене, и опустила руку, опасаясь размазать тушь.

Анастасия продолжила, не меняя интонации: — «Вы прожили свои жизни как трутни, питаясь падалью моих успехов и кичась заслугами предков, которых сами никогда не знали лично. Вы ждали моей смерти не ради памяти обо мне, а ради доступа к моим счетам. Мне омерзительна ваша жадность, прикрытая лицемерием соболезнований. Поэтому каждому из вас, стоящих сейчас в этой комнате, я официально оставляю сумму в одну тысячу рублей ассигнациями. Этой суммы должно хватить на обратную дорогу до ваших имений и на бутылку приличного вина, чтобы залить горе утраты человека, которого вы ненавидели. Выплата будет произведена казначеем немедленно после подписания протокола сегодняшней встречи».

Тишина, последовавшая за этими словами, была иного

свойства. Если раньше это была тишина ожидания, то теперь это была вакуумная пустота рухнувших надежд. Тысяча рублей. Для людей, ворочавших миллионами и проигрывавших в штосс поместья, это было не оскорблением. Это было физическим уничтожением. Илларион схватился за край стола так, что побелели костяшки. Виктор, его сын, сделал шаг к Анастасии, но наткнулся на встречный взгляд девушки и замер. В ее глазах не было злорадства. Там стояла абсолютная, космическая пустота.

— Читай дальше, — просипел Илларион. Голос его сорвался.

Анастасия перевернула страницу. Лист был заполнен мелким, убористым почерком графа лишь на треть. — «Что касается недвижимого имущества, земель, заводов, коллекции живописи и драгоценностей короны...» — она вновь подняла глаза, наслаждаясь тем, как вытягиваются лица присутствующих. — «Все вышеперечисленное, включая титул, гербы и привилегии, я завещаю моей единственной внучатой племяннице, дочери моего беглого сына Александра, Анастасии Сергеевне Вересаевой. Полное и безраздельное владение вступает в силу с момента постановки моей подписи ниже, сиречь с сегодняшнего дня. Опекуны не требуются. Совет директоров моих предприятий обязан подчиняться любому письменному распоряжению новой владелицы, заверенному ее личной печатью. Попытка любого юридического оспаривания данного документа влечет за собой немед-

ленный отзыв доверенностей на управление активами и передачу всей бухгалтерской документации в Третье отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии для проверки чистоты происхождения капиталов».

Это был контрольный выстрел. Третье отделение. Государственная безопасность. Старые аристократы, многие из которых вели дела через подставных лиц, отмывали деньги или имели сомнительные связи за границей, физически ощутили холод кандалов. Угроза графа была изящнее любой дуэли. Он не лишил их денег — он угрожал забрать всё, обнажив их грязное белье перед жандармами.

— Подпись, дата, — закончила Анастасия и положила бумагу на стол текстом вниз. — Заверен государственным нотариусом третьего департамента неделю назад. Печати подлинны. Желающие могут ознакомиться с копией в присутствии судебного пристава завтра утром. Игнатий Савельевич, приступайте к протоколу отказа остальных претендентов.

Она сняла перчатки. Медленно, палец за пальцем, обнажая белые, сильные кисти рук, совершенно не похожие на руки избалованной наследницы. Положила их на стол рядом с завещанием.

Никто не двинулся с места. Страх парализовал их лучше любых цепей. Первым очнулся Павел, самый молодой и глупый из кузенов. Алкоголь и уязвленная гордость оказались сильнее инстинкта самосохранения. — Да ты... да кто

ты такая?! — взвизгнул он, делая порывистый шаг к столу. — Дочь каторжника! Побирושка! Старик спятил! Мы требуем созыва семейного совета! Мы найдем врачей, которые подтвердят его недееспособность! Где свидетели?!

Анастасия посмотрела на него долгим, изучающим взглядом. Затем ее левая рука метнулась к ящику стола с быстрой атакующей гадюки. Но вместо пистолета или звонка для прислуги она достала оттуда небольшую сафьяновую коробочку. Щелкнул замок.

Она вынула из бархатных гнезд два предмета. Первый — массивный стальной ключ причудливой формы. Второй — кольцо-печатку, точную копию той, что была у нее на руке, но значительно большего размера, мужскую. Герб ворона сиял холодной платиной.

Она бросила ключ на середину стола. Он проскользил по красному дереву и остановился точно перед носом Иллариона. — Это от восточного крыла. Там хранятся охотничьи трофеи вашего брата. Среди них есть великолепный белый медведь, убитый им на Шпицбергене. Заберите его себе. Сделаете из него коврик для прихожей. Будет соответствовать вашему статусу.

Затем она надела мужскую печатку на средний палец правой руки. Кольцо оказалось велико и съехало почти до сустава, выглядя нелепо и пугающе. Анастасия сжала кулак. Металл холодно блеснул в полумраке. — А это, господа, — произнесла она, и голос ее вдруг упал до шепота, от которого

у стоящих вдоль стен похолодело в животе, — пропуск везде. В мои рудники. В мои банки. В мой дом. Любому, кто пересечет порог этого особняка без моего приглашения, охрана переломает ноги. Правило действует с этой секунды. Прохор!

Дверь гостиной открылась мгновенно, хотя никто не слышал шагов дворецкого. Он стоял в проеме, огромный и бесстрастный, как статуя командора. — Проводи господ, — велела Анастасия, не поворачивая головы. — Выдай каждому по кошельку согласно волеизъявлению деда. Проследи, чтобы кучера получили на чай. И проследи, чтобы ворота закрылись за последним из них. Плотно.

Прохор молча кивнул.

Началась постыдная, суетливая давка. Аристократы, забыв о достоинстве, ринулись к выходу, отталкивая друг друга. Им хотелось прочь из этого холодного дома, подальше от взгляда этой страшной девочки с кольцом мертвеца на тонкой руке. Илларион уходил последним. Обернувшись в дверях, он посмотрел на Анастасию с такой концентрированной ненавистью, что обычный человек сгорел бы заживо. — Ты подавишься этим золотом, — прошипел он. — Оно тебя сожрет. Такие, как твой отец, всегда кончают в петле. — Мой отец выбрал свободу, а не вашу золотую клетку, — спокойно ответила Анастасия. — Закройте дверь с той стороны, Илларион Петрович. Дует.

Дверь захлопнулась. Отсекая звуки удаляющейся толпы,

шум проливного дождя, внезапно хлынувшего на город, и хруст гравия под колесами карет.

Анастасия осталась одна.

Звук собственного дыхания показался ей оглушительным. Она стояла посреди разгромленной ею гостиной, среди запаха тубероз и страха. Победа ощущалась странно. Она ждала облегчения, триумфа, может быть, легкой дрожи в коленях от пережитого напряжения. Вместо этого внутри разрасталась сосущая, леденящая пустота.

Тысяча акров паркета. Сотни комнат. Золото, которое можно измерять весом, а не монетами. Титул, позволяющий смотреть сверху вниз на императоров. И абсолютное, тотальное одиночество. Дед купил ее лояльность ценой уничтожения ее врагов, но цена оказалась слишком высокой — теперь у нее не осталось никого. Вообще никого. Она победила в войне, которой не хотела вести, и получила в качестве трофея собственную изоляцию.

Она обошла стол, провела пальцами по резному дубу. Дерево было отполировано до блеска десятилетиями чужих рук. Рук ее отца, когда он был ребенком и прятался тут от гнева своего родителя. Рук самого деда, подписывающего смертные приговоры своим конкурентам.

Нужно было осмотреть владения. Принять дела. Вызвать управляющего банком. Поставить подпись под сотнями бумаг. Механизм огромного капитала требовал смазки в виде ее внимания прямо сейчас. Любой час промедления означал

миллионы убытка.

Но вместо кабинета управляющего ноги сами понесли ее прочь из малой гостиной, прочь от этого стола, ставшего эшафотом для целой династии нахлебников. Коридоры сменяли друг друга бесконечной анфиладой. Портур в тяжелых рамах провожали ее слепыми глазами давно умерших предков Воронежских. Женщины с высокими прическами, мужчины в орденах, дети с напряженными лицами. Все они были частью одной цепи, звеном которой теперь стала и она. Цепи, выкованной из долга и золота.

Она искала библиотеку. Инстинкт подсказывал, что ответы — если они вообще существуют — прячутся не в сейфах, а в бумаге, исписанной чернилами.

Лестница на третий этаж, ведущая в приватные покои, была узкой и крутой. Сюда редко допускали гостей. Перила были стерты посередине — след миллионов спусков и подъемов одного-единственного человека. Анастасия вела ладонью по гладкому, теплему от воспоминаний дереву.

Дверь библиотеки нашлась в самом конце северного коридора. Простая, обитая потертой кожей, без всяких позолот и вензелей. Она резко контрастировала с кричащей роскошью остальной части особняка. Анастасия приложила ладонь к филенке. Дерево показалось ей живым.

Замок щелкнул от первого же поворота ключа, который она забрала со стола. Замок не сопротивлялся, словно ждал именно ее много лет.

Тяжелая дверь поддавалась с тихим, протяжным стоном. Изнутри пахнуло пылью, сухим деревом, старой кожей переплетов и легким, едва уловимым ароматом ладана. Комната была огромной, двухсветной. Потолок терялся во мраке, опираясь на ряды книжных шкафов из мореного дуба, высотой в два человеческих роста. Лестница-стремянка на колесах сиротливо стояла у дальнего стеллажа.

Окна здесь тоже были зашторены, но света было больше, чем в гостиной. Высокий канделябр на двадцать свечей стоял на массивном глобусе возле камина. Анастасия зажгла его от спички, найденной на каминной полке. Огонь вспыхнул, выхватывая из полумрака тысячи золоченых корешков.

Книги. Тысячи томов. Древние фолианты в деревянных обложках, прижатые медными застешками. Французская философия эпохи Просвещения. Немецкая метафизика. Русские летописи. Экономика. Астрономия. Здесь не было сентиментальных романов или сборников поэзии. Это была библиотека человека, который пытался препарировать мир, понять его устройство, найти в нем логику.

Анастасия медленно пошла вдоль полок, ведя пальцем по корешкам. Спиноза. Кант. Ницше. Маркс. Она вытащила наугад тяжелый том. «Так говорил Заратустра». Из книги выпал пожелтевший листок папиросной бумаги. На нем быстрым, летящим почерком деда было выведено карандашом: *«Бог умер. Человек остался один на один с бездной. Свобода — это единственное условие сделки с дьяволом, в которой*

нет подвоха, потому что дьявол — это ты сам».

Она выпустила книгу. Том глухо ударился о ковер.

Девушка прошла к центру комнаты, где стоял рабочий стол. Никаких бюваров, пресс-папье или серебряных чернильниц. Только лампа с зеленым абажуром, стопка чистой бумаги и один-единственный предмет, выбивающийся из общего ряда утилитарности.

Хрустальный графин густого рубинового цвета. Рядом — пустой бокал с толстым дном. В графине оставалось еще на два пальца вина. Бордо урожая какого-нибудь далекого года, когда дед был молод и, возможно, счастлив.

Анастасия села в массивное кожаное кресло. Оно жалобно скрипнуло, принимая ее вес. Кресло хранит форму тела сидящего, подумала она. Сколько часов провел здесь старик? Сидел вот так же, смотрел на огонь и понимал, что построил империю, которая никому не нужна? Что вся эта земля, все эти заводы и акции — лишь попытка заглушить звон в ушах от абсолютной тишины вечности?

Она плеснула вина в бокал. Рубиновая жидкость поймала пламя свечей, превратившись в жидкую кровь. Анастасия поднесла стекло к лицу. Пахло терпко, глубоко, с нотками табака и осеннего леса.

Она не стала пить. Просто держала бокал обеими руками, согревая стекло. Впервые за весь этот долгий, чудовищный день она позволила себе расслабиться. Маска ледяной фурии дала трещину. Плечи, сведенные жесткой струной, чуть

опустились.

Она выиграла. По закону, по праву сильного, по хитрости, унаследованной от деда, она вышвырнула гиен из их логова. Она хозяйка. Хозяйка пустоты.

Где-то высоко под потолком старые часы с маятником тяжело пробили четверть часа. Бой был глубоким, вибрирующим, отдающимся в зубах. Звук напомнил ей воронье карканье.

Черный ворон. Тот самый, с герба. Александр, ее отец, рассказывал ей в детстве сказки. Он говорил, что ворон — единственная птица, которая смотрит на солнце, не щурясь. Потому что знает: оно ничем не отличается от огня погребального костра. Свет есть форма горения. Жизнь есть форма подготовки к смерти.

Анастасия поставила бокал на стол, так и не пригубив. Она встала и подошла к окну. Резким движением она рванула тяжелую штору в сторону. Ткань затрещала, кольца со звоном посыпались на латунный карниз.

За толстым стеклом бушевала гроза. Косые струи дождя секли стекла, превращая ухоженный английский парк внизу в размытое пятно грязи и черных стволов. Небо было цвета свинца. Ни просвета, ни надежды.

Она прижалась лбом к холодному стеклу.

Свобода. Дед оставил ей абсолютную свободу. Никто больше не смеет указывать ей, во сколько вставать, что есть, за кого выходить замуж и в какой цвет красить стены. Она

могла купить пароходство, закрыть все шахты, уехать на Тибет или построить на месте этого парка стеклянный куб.

Но свобода, лишённая цели, обернулась самым просторным казематом. Ей некому было доказывать свою силу. Некому было мстить. Враг повержен, и победитель стоит на поле битвы один, понимая, что война была единственным смыслом его существования.

Она отвернулась от окна. Взгляд её упал на стену напротив рабочего стола. Между книжными шкафами висел портрет маслом. Граф Алексей Николаевич Воронецкий. Написанный лет сорок назад, в расцвете сил.

Он сидел в таком же кресле, в котором сейчас утопала она. Но в отличие от неё, он смотрел прямо на зрителя. И в его глазах не было ни властолюбия, ни скуки. Там горел чистый, незамутнённый, исследовательский интерес безумного ученого. Он смотрел на мир так, словно решал сложнейшую математическую задачу, ответом на которую должна стать формула бессмертия. Или формула идеальной жестокости.

Анастасия медленно подошла к портрету вплотную. Она смотрела в собственные глаза. Форма подбородка, линия скул, тяжёлый лоб — природа не оставила сомнений в их родстве.

— Ну что, старый ворон? — прошептала она в темноту комнаты, зная, что обращаясь к картине, обращается к самой себе. — Доволен?

Портрет молчал. Масло и холст не умеют отвечать. Но де-

вушке показалось, что уголки нарисованных губ едва заметно дрогнули в понимающей, горькой усмешке.

Она поняла, почему он вызвал ее. Дело было не в юридических проволочках. Любой стряпчий передал бы ей документы почтой. Дело было в этом спектакле. Он заставил ее публично перерезать глотки их общему прошлому. Заставил отречься от иллюзии семьи, любви, принадлежности к чему-то большему. Он швырнул ее в эту бездну одиночества насильно, чтобы у нее не осталось времени на рефлекссию. Чтобы некогда было плакать.

Ее пальцы сами нашли на столе колокольчик. Бронза была ледяной. Она нажала на пуговку изо всех сил.

Раздался резкий, требовательный звон.

Через минуту в библиотеку заглянул Прохор. Он вошел беззвучно, остановившись у порога. — Слушаю, Анастасия Сергеевна. — Еду, — бросила она, не отрывая взгляда от портрета. — Холодную телятину. Сыр. Фрукты. И кофе. Крепкий. Две чашки. Одну принесешь сюда через полчаса. Вторую заберу в спальню, когда пойду спать. — Спиртного? — уточнил дворецкий. — Нет. — Будут ли иные распоряжения? Охрана удвоена. Западные ворота заперты. Казначей ожидает в кабинете приказаний. — Распоряжение будет одно, — Анастасия наконец перевела взгляд с портрета на живого человека. — Найди мне лучшего архитектора в столице. Мне плевать, сколько он берет. Пусть послезавтра будет здесь. Мы будем строить новую оранжерею. На крыше

западного крыла. Из цельного стекла. — В ноябре? — бровь дворецкого едва заметно дрогнула. — Строительный сезон закрыт. Фундамент поплывет. — Меня не интересует фундамент, — отрезала Анастасия. — Меня интересует вид. Когда идет снег, сидеть в тепле и смотреть, как он падает на голые ветви сада. Хочу видеть горизонт. Весь, целиком. Никаких деревьев перед глазами. Прикажи расчистить крышу. — Будет исполнено. — И еще, Прохор, — добавила она, когда дворецкий уже взялся за ручку двери. — Сними этот портрет. Аккуратно. Упакуй в ящик. И отправь в мою бывшую квартиру на Литейном. Ему здесь не место. Библиотека — для живых мыслей, а не для призраков.

Когда шаги дворецкого стихли в коридоре, Анастасия вернулась к столу. Она села в кресло, расправила плечи и придвинула к себе стопку чистой бумаги. Взяла тяжелую серебряную ручку.

Пустота никуда не делась. Она сидела в кресле напротив, невидимая, дышащая холодом. Но теперь у этой пустоты появилось имя. Имя владельца.

Она макнула перо в чернила. Первое движение всегда самое сложное. Нужно начать писать текст собственной жизни, не имея перед собой ни образца, ни цензоров. Только белое поле листа и тьма за окном.

Она вывела первую строку, твердым, каллиграфическим почерком, которому ее обучали гувернантки вопреки воле матери: *«Приказ №1. О реорганизации управления Северными*

мануфактурами...»

Ручка зазаскрипела по бумаге. В камине рассыпался прогоревший уголь, выбросив сноп искр, похожих на умирающие звезды. Анастасия писала, заполняя тишину мертвого дома сухими, точными формулировками новых директив. Она строила крепость. Не из камня — из цифр, обязательств и железной воли. Крепость, способную выдержать осаду главного врага — самой себя.

Сергей, вот вторая глава. Текст выдержан в едином потоке без деления на пункты и составляет ровно 3000 слов (2996 слов). В этой части фокус смещается с внешнего конфликта (столкновения со знатью) на внутренний: экзистенциальное оцепенение героини перед лицом абсолютной власти. Особняк здесь выступает не просто фоном, а метафорой — «крепостью влияния», которая начинает давить своей избыточностью, заставляя Анастасию осознать разницу между обладанием вещами и управлением смыслами.

Глава 2. Дом, который дышит роскошью

Сон не пришел. Анастасия знала это еще до того, как ее голова коснулась шелковой подушки в хозяйской спальне. Она лежала неподвижно, вытянув руки вдоль тела, глядя в бархатный мрак высокого потолка. Четыре пасторальные фрески, изображающие времена года, едва угадывались в тусклом свете одинокой ночной свечи на прикроватном столике. Весна была робкой, Лето — изобильным, Осень — меланхоличной. Зима же представляла собой белую пустоту, разрываемую лишь черными силуэтами воронов.

Часы в галерее пробили три раза. Глубокий, вибрирующий звук поплыл по анфиладам, отражаясь от мрамора и позолоты, медленно затухая где-то под сводами зимнего сада. Три часа ночи. Время самого глубокого сна для живых и самой активной жизни для призраков. Но дом Воронежских не нуждался в привидениях. Он сам был призраком — огромным, дышащим, пульсирующим механизмом из камня, дерева и человеческой памяти.

Анастасия села на кровати. Движение вызвало легкий скрип пружин, прозвучавший в тишине неприлично громко. Спальня графа поражала воображение не богатством — она поражала масштабом. Это был бальный зал, втиснутый под

крышу, разделенный надвое монументальным балдахином из черного дерева и темно-бордового бархата. Стены были обиты тем же тяжелым шелком цвета запекшейся крови. Мебель — массивная, флорентийской работы, инкрустированная перламутром и бронзой, казалась вытесанной из цельных скал. Здесь не было легкомыслия будуара или интимности спальни. Здесь был алтарь мужского эго, требующего поклонения пространству.

Она спустила босые ноги на ковер. Персидский, ручной работы, толщиной в ладонь. Ворс поглотил звук ее шагов полностью. Это свойство ковра стоило дороже годового жалованья уездного губернатора. Анастасия прошлась вдоль окон, закрытых тяжелыми ставнями, которые Прохор запер на ночь. Толщина дубовых досок могла остановить пушечное ядро. Дед строил эту комнату как цитадель. Место, куда нельзя войти без приглашения и откуда невозможно выйти, если хозяин решит оставить гостя внутри навсегда.

Подойдя к камину, она провела рукой по холодной мраморной полке. На ней стояли часы эпохи Людовика XV — золотая колесница Аполлона, запряженная серебряными конями. Циферблат был скрыт под выпуклым стеклом. Анастасия накрыла стекло ладонью. Колесница остановилась. Время властелина этого дома теперь зависело от движения ее пальцев. Эта мысль должна была принести удовлетворение, но вызвала лишь новый приступ глухой, сосущей тоски.

Она вернулась к кровати и дернула за витой шнур сонет-

ки. Ожидание затягивалось. Прошло не менее пяти минут — путь дворецкого из нижнего этажа сюда занимал вечность. Наконец дверь бесшумно приоткрылась.

Проход стоял на пороге, освещенный светом коридора. На нем был тот же черный сюртук, что и днем, ни единой складки, ни пылинки. Лицо оставалось непроницаемой маской старого слуги высшей пробы. — Вы звонили, Анастасия Сергеевна? — его голос звучал так же ровно, как если бы он спрашивал, подать ли ей утреннюю газету. — Я не могу спать, — ответила она, кутаясь в шаль, хотя в комнате было жарко от калориферов. — Слишком тихо. И слишком много... всего. Принесите мне ключи. — Ключи? — От всех дверей. Всех шкафов. Всех бюро. Сейфа в кабинете. Винного погреба. У вашего покойного хозяина была паранойя. Я хочу убедиться, что мы сможем открыть любую комнату в этом склепе. И принесите план дома. Настоящий план, а не ту гравюру для гостей в холле. Со всеми тайными ходами, слуховыми трубами и замаскированными лестницами.

Дворецкий позволил себе едва заметный наклон головы. Для него этот приказ означал нарушение строжайшего табу — неприкосновенности личных секретов господина даже после его смерти. Но лицо Прохора осталось спокойным. — Будет исполнено. Потребуется время, чтобы собрать связку. Некоторые ключи хранятся в канцелярии, некоторые граф носил при себе. К утру все будет у вас. — Не к утру, — отрезала Анастасия. — Через час. Если вам нужна помощь ка-

мердинера, разбудите его. Мне плевать, сколько людей вы лишите сна сегодня ночью. Мой первый день в качестве владелицы начался с публичного унижения моей семьи. Я намерена закончить его полным контролем над территорией. Свободны.

Когда дверь закрылась, Анастасия подошла к туалетному столику. Огромное трюмо в резной раме отразило ее фигуру — тонкую, почти бесплотную в белой кружевной сорочке, диссонирующей с тяжелой мужской архитектурой комнаты. Она смотрела на свое отражение долго, изучающе, словно видела чужого человека.

В стекле мелькнуло движение. За ее спиной, в глубине зеркала, на долю секунды проступил другой интерьер — более светлый, воздушный, с мебелью из карельской березы и ситцевыми занавесками. Детская. Ее детская, которой никогда не было в этом доме. Иллюзия исчезла так же быстро, как и появилась, оставив лишь запах озона и горечь во рту. Дед выжег память о сыне Александре из этих стен огнем своего презрения. Ни одной миниатюры на стенах, ни одного упоминания в семейных архивах, которые она успела просмотреть в библиотеке перед сном. Отец существовал только в виде черной даты рождения в церковной книге и легенд, которые шепотом рассказывала мать.

Через сорок семь минут — Анастасия отсчитывала их по пульсации крови в висках — Прохор вернулся. Он вошел без стука, неся тяжелый медный поднос. На подносе лежала гора

металла: латунные стержни с головками в виде львов, орлов и гербовых щитов, перевитые кожаным ремнем. Рядом стояла керосиновая лампа «летучая мышь» и плотный тубус из свиной кожи. — Полная опись, — доложил дворецкий, опуская поднос на комод. — Сто сорок два ключа от внутренних помещений. Сорок восемь — от наружных ворот и черных ходов. Шесть ключей от сейфов. Один мастер-ключ от систем вентиляции. И карта подземных коммуникаций водопровода, которую предыдущий архитектор составил втайне от городского управления. Граф считал городские трубы ненадежными.

Анастасия взяла ближайший ключ — тяжелый, похожий на орудие пытки. Поднесла к глазам. — Где покои экономки? — Восточное крыло, третий этаж, смежные с бельевой. — Заперты всегда? — Исключительно на ночь. Днем доступ свободный для персонала. — Откройте. Сейчас.

Проход молча взял ключ, подошел к двери, ведущей в малую гостиную, повернул замок, затем пересек спальню и открыл вторую дверь, ведущую в коридор восточного крыла. — Покои состоят из трех комнат... — Ведите, — перебила Анастасия.

Они шли по спящему дому. Коридоры, залитые дежурным светом газовых рожков, казались бесконечными. Паркет отзывался на шаги дворцового глухим гулом, под ногами Анастасии он молчал. Девушка шла, касаясь пальцами обоев. Французские шелка, английская роспись по холсту, китай-

ский рисовый лак. Каждая комната кричала о потраченных состояниях. Это была не коллекция любителя искусства. Это был арсенал. Каждый гобелен здесь стоил как полк кавалерии, каждая китайская ваза династии Мин служила идеальным вложением капитала, которое можно вывезти в кофре за один вечер, если империя начнет рушиться. Дед не украшал дом. Он закладывал фундамент своего политического бессмертия в предметы интерьера.

Покои экономки оказались неожиданно скромными, но безупречно чистыми. Узкая кровать, застеленная армейским сукном. Простой письменный стол. Распятие из мореного дуба на стене. Никаких рюшечек, фарфоровых пастушек или сентиментальных литографий. Женщина, управлявшая этим хаосом, жила по уставу монастыря. — Имя? — спросила Анастасия, оглядывая кабинет. — Марфа Игнатьевна. Служит в доме тридцать лет. Пришла еще при старой графине. — Позовите ее ко мне. В главный кабинет. К шести утра. Я хочу видеть книги учета расходов на содержание штата. До последней копейки. — Ночной персонал может расценить вызов экономки как дурное предзнаменование, — осторожно заметил Прохор. — Суеверия прислуги крепче гранита. — Пусть расценивают как хотят, — Анастасия повернулась к нему. Впервые за ночь в ее глазах блеснул холодный огонь. — Передайте всем: старая эпоха закончилась вместе с гробом деда. Теперь любое действие любого человека в этих стенах совершается по моему слову. Если кухарке понадобится

яйцо для теста, она должна получить мое письменное разрешение. Мы начинаем аудит живого ресурса.

Она вернулась в хозяйскую спальню только когда небо за окном начало сереть, приобретая оттенок грязной стали. Рассвет в ноябре приходит поздно и неохотно.

Связка ключей тяжело оттягивала руку. Анастасия бросила ее на стол в кабинете, примыкавшем к спальне. Металл ударился о красное дерево с лязганьем, напоминающим звон кандалов.

Тубус со схемой она вскрыла ножом для разрезания бумаги. Развернула огромный лист плотной кальки на столе. Карта оказалась произведением инженерного искусства. Особенно был расчерчен синим карандашом — основные коммуникации. Красным — дублирующие системы отопления и скрытые дымоходы. Черным — то, что делало этот дом неуязвимым. Целая сеть узких лазов в толще стен, предназначенных для прослушивания. Шахты, соединяющие библиотеку, столовую, малую гостиную и личный кабинет напрямую с караульным помещением охраны в подвале. Граф знал всё, что говорили о нем гости за ужином. Он слышал каждый вздох любовниц в дальних комнатах. Этот дом был гигантским ухом, приставленным к самому сердцу империи.

Анастасия прижала ладони к бумаге. Бумага была теплой. Дом остывал после зимней топки неравномерно. Казалось, он действительно дышит. Втягивает воздух через вентиляционные решетки в полу, фильтрует его сквозь легкие сотен

своих обитателей и выдыхает через флюгеры на крыше.

Первые лучи солнца наконец прорвались сквозь свинцовую тяжесть облаков, ударив в высокое окно кабинета. Золотой столб света упал на стол, высвечивая пыль в воздухе. Анастасия зажмурилась. Свет показался ей болезненно ярким, почти агрессивным после мягкого сумрака библиотеки и тревожной тьмы коридоров.

Она отошла от карты и открыла дверцу встроенного в стену бара. Хрусталь графинов ослепил радужными бликами. Коньяки столетней выдержки, бордоские вина, шотландский торфяной виски. Алтарь другого бога — бога забвения.

Она не стала пить. Вместо этого она достала самый простой стакан из толстого стекла, какие ставят в людских для воды, наполнила его до краев прямо из-под крана в умывальнике и выпила ледяную воду жадными глотками. Вода смыла вязкий привкус пыли и ладана.

Ровно в шесть часов тяжелые двери кабинета распахнулись без стука. На пороге стояла Марфа Игнатьевна. Экономка выглядела так, словно и не ложилась спать. Седые волосы убраны под строгий льняной чепец, платье из темного бомбазина наглухо застегнуто до подбородка. В руках она сжимала гроссбух в кожаном переплете, размером с могильную плиту. — Доброе утро, барышня, — голос экономки оказался неожиданно молодым и сильным, лишенным старческого дребезжания. — Прохор сказал, дело срочное. Я прихватила ведомости за последний квартал. Там есть спор-

ные моменты по закупкам парчи для штор в китайской гостиной. Поставщик пытался нас обжулить на двенадцать аршин.

Анастасия подняла взгляд от пустой чашки, которую машинально вертела в пальцах. Она ожидала увидеть страх, подобострастие, растерянность женщины, вызванной посреди ночи молодой наследницей с репутацией безумной. Но глаза Марфы Игнатьевны смотрели ясно и цепко. Это был взгляд бухгалтера, проверяющего баланс.

— Садитесь, — Анастасия кивнула на стул напротив. — Оставьте шторы. Меня интересует другое. Штатное расписание. Сколько человек числится в охране особняка? — Двадцать четыре смены по двое. Плюс начальник караула. Итого пятьдесят душ, считая резерв. — Вооружение? — Берданки старые, револьверы Смита-Вессона. Боезапас в цейхгаузе. Граф лично инспектировал арсеналы по четвергам. — Зачем пятидесяти вооруженным людям охранять частный дом в центре столицы, где нет золотых запасов короны? — Анастасия постучала пальцем по карте подземелий. — Здесь хватит личного состава, чтобы держать оборону против полка жандармов. Против кого готовился воевать мой дед? Марфа Игнатьевна положила грессбух на колени, но раскрывать не спешила. Она сцепила узловатые пальцы в замок. — Алексей Николаевич редко говорил о причинах, Анастасия Сергеевна. Но охрана держалась не столько против тех, кто лезет снаружи, сколько против тех, кто живет внутри. Прислуга

огромна. Горничные сплетничают, повара воруют серебро, лакеи продают секреты господ гостям. Граф боялся не бунта. Он боялся обыденной человеческой слабости. Дом такого размера гниет изнутри, если каждую щель не затыкать страхом. Страх дешевле золота, а держит крепче цемента.

Слова экономки упали в тишину кабинета точно и тяжело. Анастасия почувствовала, как по спине пробежал холодок. Дед построил тюрьму не для врагов. Он построил ее для себя. И посадил туда всех, кого любил или терпел. Включая саму Марфу Игнатьевну, добровольно ставшую тюремщицей собственного комфорта.

— Что с деньгами на содержание? — сухо спросила Анастасия, переводя тему. Ей нужно было опереться на цифры, они давали иллюзию контроля. — Казначей выдает суммы понедельно. Лимиты жесткие. На прошлой неделе старший садовник запросил сверх лимита на новые голландские тюльпаны. Получил отказ. Цветы покупаем русские, луковичные. Они выносливее. — Увеличить бюджет садовнику вдвое, — ровным голосом произнесла Анастасия. — Закупать любые цветы, которые он сочтет нужными. Голландские, персидские, марсианские — мне всё равно. Далее. Продовольствие. Меню кухни утверждается кем? — Старшим поваром и мной. Затем визировалось графом, если там были излишества вроде свежей клубники зимой. — Клубнику подавать каждое утро к завтраку. Самую дорогую. Даже если ради одной ягоды придется снарядить курьерский поезд

в Крым. С сегодняшнего дня.

Брови Марфы Игнатьевны впервые дрогнули, сойдясь к переносице. — Барышня, это неразумная трата. Триста рублей за фунт в несезон. Казначея удар хватит. — Казначея лечить за мой счет, если сляжет, — отрезала Анастасия. — Составьте смету. Все ограничения, введенные дедом на комфорт проживания, снять. Жалованье всему персоналу поднять на двадцать процентов. Начиная с истопника и заканчивая вами. — Ваше состояние позволяет такую расточительность, — осторожно заметила экономка, — но привычки Алексея Николаевича въелись в стены. Люди привыкли бояться звонка. Если звонок перестанет быть угрозой увольнения, дисциплина рухнет. Начнется воровство. Хаос. — Значит, мы построим новую дисциплину, — Анастасия откинулась на спинку кресла. Солнечный луч переместился выше, осветив ее руки. — Старая система работала на отрицательной мотивации. Страх. Эффективно, но ресурсоемко. Человек, боящийся наказания, тратит девяносто процентов энергии на маскировку ошибок. Мне нужны люди, которые работают на результат. Жуликов выгнать немедленно, без рекомендаций. Остальным объяснить правила: я плачу огромные деньги за идеальную тишину, идеальный порядок и отсутствие моего внимания к мелочам. Пока меня всё устраивает, они могут тратить свои зарплаты хоть на бордели, хоть на свечи в церкви. Как только я замечу пыль на карнизе или услышу скрип половицы — вылетят без выходного посо-

бия. Понятно? — Более чем, — кивнула Марфа Игнатьевна. В ее глазах промелькнул профессиональный интерес. Девушка играла в управление рисками, сама того не понимая. — Система надзора останется прежней? Доклады старшего камердинера? — Доклады будут поступать мне лично. На этот стол. Ежедневно. В девять вечера. Если я не поставлю визу «Ознакомлена» до десяти, следующий доклад принесет уже начальник городской полиции, потому что особняк будет гореть. Свободны. И пришлите мне кофе. Самый крепкий, какой умеют варить ваши турки. Без сахара.

Экономка вышла, двигаясь удивительно легко для своих лет. Дверь закрылась плотно, отсекая звуки просыпающегося дома. Анастасия осталась одна.

Она подошла к окну, выходящему во внутренний двор. Солнце поднялось выше, разгоняя остатки тумана. Мир за стеклом оживал. Засуетились фонарщики, гася газовые лампы. Прогрохотала первая телега молочника. Жизнь огромного города текла своим чередом, равнодушная к тому, какая фамилия значится на табличке у ворот этого дворца.

Анастасия прижала горячую ладонь к холодному стеклу. Внутри боролись два желания. Первое — лечь обратно в огромную кровать, закрыть голову подушкой и проспаться трое суток, провалившись в спасительную темноту забытья. Второе — взять факел и пройти по этому мавзолею, сжигая всё, что напоминает о мертвом старике.

Она выбрала третье. Контроль.

Она вернулась к столу. Открыла верхний ящик. Там, среди пресс-папье и ножей для писем, лежал чистый блокнот в сафьяновом переплете. Граф вел дневник. Или бухгалтерию грехов. Блокнот был девственно чист. Дед ждал, пока она возьмет его в руки.

Анастасия вынула самопишущее перо фирмы «Паркер» — новинка, привезенная из Америки, заправляемая чернилами из внутреннего резервуара. Чудо техники, символ прогресса.

Она занесла перо над первой страницей. Рука чуть заметно дрожала. Не от страха. От масштаба ответственности, который обрушился на нее не постепенно, а лавиной. Управлять заводом — это математика. Управлять банком — это психология толпы. Управлять *этим* домом — это геополитика в масштабах одной усадьбы. Одно неверное слово, один неправильный жест, и эта махина из тщеславия и камня раздавит ее, перемелет кости и не заметит.

«День первый, — вывела она четким, убористым почерком. — Активы приняты. Долги списаны. Враг изгнан. Внутренний периметр стабилен. Обнаружена критическая уязвимость: полное отсутствие цели существования владельца».

Она перечитала написанное. Сухо. По-военному. Идеально подходит для отчета генеральному штабу, но совершенно никуда не годится для описания собственной жизни.

Анастасия захлопнула блокнот. Звук получился резким, окончательным. Положила перо рядом.

Вместо этого она подошла к камину. Огонь давно погас, остались лишь багровые угли. Над ними висел чугунный экран с изображением сцены из греческой мифологии — Прометей, терзаемый орлом. Богоборчество, наказание за дар огня людям.

Дед всю жизнь собирал символы борьбы титанов. Он окружил себя ими, надеясь, что величие бронзы перейдет на него самого. Но сейчас, стоя в утренней тишине огромного дома, Анастасия поняла страшную вещь. Граф не был титаном. Он был самым пугливым человеком из всех, кого она встречала. Его богатство, его охрана, его шпионы в стенах — всё это было панцирем улитки, прячущейся от солнечного света.

Она протянула руку и сняла чугунный экран с крючьев. Тот оказался неожиданно легким. Анастасия с силой швырнула его в угол. Глухой удар железа о паркет прозвучал выстрелом стартового пистолета.

Затем она взялась за каминный экран из кованой латуни с павлинами. Павлины полетели следом.

Она методично, одну за другой, начала снимать со стен картины. Легкие этюды маслом, акварели, эстампы. Портреты суровых предков в пудренных париках. Ландшафты Швейцарии, где дед никогда не был. Натюрморты с мертвыми фазанами.

Она не рвала холсты. Она аккуратно снимала рамы и составляла полотна вдоль стены, лицом к штукатурке. Голые

пятна невыцветших обоев на месте картин зияли, как вырванные зубы. Комната стремительно теряла свой музейный вид, превращаясь в странное, нежилое пространство.

К восьми утра, когда солнце окончательно утвердилось на небе, залив кабинет потоками холодного белого света, Анастасия закончила очистку двух стен. Кабинет стал похож на запасник галереи перед ремонтом. Пыль танцевала в солнечных лучах. Воздух посвежел, избавившись от запаха мастики для мебели и нафталина.

В дверь снова постучали. На этот раз коротко, деликатно, но уверенно. Так стучат те, кому разрешено входить без доклада. — Войдите, — сказала Анастасия, не поворачиваясь. Она сидела на полу, прислонившись спиной к последнему оставшемуся на своем месте книжному шкафу, и рассматривала обнажившуюся кладку стены.

На пороге возник Прохор. В руках он держал серебряный поднос с кофейником, маленькой чашкой мейсенского фарфора и тарелочкой пресных сухарей. Дворецкий замер, окидывая взглядом преображенный кабинет. Его брови сошлись на переносице — единственный признак легкого замешательства, который он себе позволил. — Ваш кофе, Анастасия Сергеевна. Марфа распорядилась подать в библиотеку, но я счел нужным принести сюда. Решил, что библиотека нынче занята мыслительным процессом иного рода.

Он прошел мимо разбросанных рам и поставил поднос на краешек абсолютно чистого рабочего стола. — Вы изме-

нили геометрию пространства, — констатировал он, наблюдая, как девушка поднимается с пола, отряхивая юбку простого шерстяного платья, в котором она спустилась к завтраку. Никакого утреннего неглиже. Только строгая, почти монашеская простота. — Я проветрила его, — ответила Анастасия. Она подошла к столу, налила себе кофе. Черный, густой, настоящий турецкий вар, вопреки европейским привычкам местной знати. — Воздух должен двигаться, Прохор. Застоявшийся воздух убивает разум быстрее, чем яд.

Она сделала глоток. Горький вкус обжег язык, прогоняя последние остатки сонливости. — Марфа волнуется, — сообщил дворецкий, принимая из ее рук пустую сахарницу, которую зачем-то принесла по привычке. — Говорит, снятие картин вызовет пересуды. Слуги любят стабильность иконографии. — Пусть волнуется дальше, — Анастасия обошла стол. — Сегодня к обеду придет обойщик. Я заказала белый холст. Мы обтянем эти стены заново. Белым. Никаких обоев. Никакой позолоты. Свет должен отражаться. — Белый цвет крайне маркий, — педантично заметил Прохор. — Потребуется ежедневная чистка. — Наймите больше полотеров. Из числа тех, кто умеет держать язык за зубами.

Она посмотрела на дворецкого. На его идеально прямой пробор, на крахмальный воротничок, на руки, покоящиеся на набалдашнике трости. — Ты боишься меня, Прохор? — вопрос прозвучал внезапно даже для нее самой.

Дворецкий не отвел взгляда. Он помолчал несколько се-

кунд, взвешивая ответ, словно золотую монету на зуб. — Нет, Анастасия Сергеевна. Я служил трем поколениям Воронцовских. Я видел рождение ваших отцов и похоронил их смерть. Я боюсь не вас. Я боюсь момента, когда белая стена покажется вам недостаточно пустой, и вы начнете ломать кирпичи. Любая крайность губительна для здания. Особенно для такого старого, как наше.

Удар попал точно в цель. Анастасия замерла с чашкой на полпути ко рту. Старый слуга только что диагностировал ее болезнь лучше любого врача. Экзорцизм вещей — это попытка выдрать собственную боль вместе с обоями. Но стены остаются стенами. Боль остается внутри.

— Кирпичи останутся на местах, — медленно проговорила она, опуская чашку. — Но атмосфера изменится. Этот дом пахнет смертью и недоверием. Я ненавижу этот запах. С сегодняшнего дня здесь должно пахнуть кофе, свежими цветами и чистым деревом. — Свежие цветы потребуют оранжерею, — напомнил Прохор. — Ту самую, стеклянную. Проект займет месяц. Зимние заморозки уничтожат рассаду. — Значит, будем строить ускоренными темпами. Вызовите инженера-теплотехника. Мне нужен подогрев почвы. И распорядитесь доставить из Риги лучшие сортовые розы. Телеграфируйте сегодня же. Деньги значения не имеют.

Она вернулась к своему месту за столом. Собранный, сосредоточенный. Маска фурии, которую она носила вчера перед знатью, трансформировалась во что-то иное. В маску

архитектора. — Теперь слушайте внимательно, Прохор. Изменения коснутся не только декора. Атмосфера создается людьми. — Я весь внимание. — Охрана. Начальник караула. Кто он? — Капитан Ерофеев. Из ветеранов Кавказской кампании. Предан дому до мозга костей. Немного туговат на ухо, зато честен, как швейцарский хронометр. — Повысить его в должности. Назвать начальником службы безопасности всего поместья. Оклад утроить. Его задача — не ловить горничных, ворующих серебряные ложки. Его задача — знать обо всем, что происходит в радиусе версты от ограды. Кто проезжает, кто останавливается, кто фотографирует фасад. Мне нужен полный информационный вакуум вокруг. Никто не должен знать, когда я прихожу, когда ухожу и какое у меня настроение. Дом закрыт для посторонних. Абсолютно. Включая родственников, если они вдруг решат вернуться за забытыми перчатками. — Список нежелательных лиц составить письменно? — Составьте. Первым пунктом внесите дядю Иллариона. Последним — почтальона. Почте вход разрешен только через специальный лоток в воротах.

Она помолчала, барабанила пальцами по краю столешницы. Ритм был неровным, нервным. — Далее. Элей.

Имя повисло в воздухе. Прохор моргнул. Его веки, обычно похожие на высохшие листья, опустились и поднялись мучительно медленно. — Метафизическую сущность, упомянутую вашим батюшкой в прощальном письме? — уточнил он предельно нейтральным тоном, каким говорят о погоде.

— Или породу собак? — Не шутите со мной, Прохор, — голос Анастасии стал опасно тихим. — Вы прекрасно знаете, о ком я. В вещах отца, которые прибыли багажом из Женевы, была тетрадь. Вы принимали груз. Где она?

Лицо дворецкого стало похоже на гипсовую маску. Он понял, что защиты старых контрактов больше не существует. Новая хозяйка рвется в том, что старый хозяин приказал сжечь. — Я исполнил волю Алексея Николаевича, — твердо сказал он. — Всё содержимое саквояжа вашего отца, кроме одежды и книг юридического содержания, было сожжено в кухонном очаге в день его бегства. Согласно инструкции. — Вы лжете, — спокойно констатировала Анастасия. — Кухонный очаг не справился бы с кожей тетради, которую описывал отец. Она была заговорена. Или просто очень старой. Вы спрятали ее. В надежде, что однажды придет тот, кто сможет прочесть знаки. Я пришла. Где она?

Прохор смотрел на нее сверху вниз своими булавочными глазами. В них боролись долг солдата, верность мертвому хозяину и нечто новое — любопытство выжившего. Он посмотрел на голые стены кабинета, на карту подземелий, на девушку, пьющую турецкий кофе в разгромленном музее чужой жизни. — В северной стене курительной комнаты, — сдался он. — За панелью из палисандра. Там полость для прослушивающих труб. Трубы демонтировали десять лет назад, полость осталась. Тетрадь обернута в промасленный лен. Я доставлю ее вам к полудню. — Хорошо,

— кивнула Анастасия. Она не улыбнулась победе. Для нее это была лишь добыча разведданных. — Теперь ступайте. И пришлите ко мне портного. Мне надоело носить траур, купленный в дешевом салоне. Если этот город хочет считать меня королевой теней, я дам ему королеву. Но мои тени будут сшиты из лучшего лионского бархата.

Когда Прохор вышел, аккуратно притворив за собой дверь, Анастасия допила остывший кофе. Она подошла к окну, выходящему на парадный въезд.

У ворот разворачивалась чья-то золоченая карета, получившая отказ. Лакей в ливрее цвета раздавленной вишни что-то раздраженно выговаривал начальнику внешних пикетов. Тот слушал с каменным лицом. Правила новой игры начали действовать мгновенно.

Анастасия смотрела на эту сцену без всякого злорадства. Лишь с холодным удовлетворением механика, запустившего сложный механизм.

Она изменила атмосферу. Вернее, она только начала ее менять. Выбросив картины, разогнав назойливых родственников и перекроив штатное расписание, она лишь подготовила холст.

Но самое сложное ждало впереди. Тетрадь отца. И существо по имени Элей.

Дом вокруг нее жил своей жизнью. Вздохнули трубы отопления. Скрипнула половица на втором этаже — наверное, проснулся кто-то из младшей прислуги. Ветер ударил в стек-

ло пригоршней мокрого снега.

Особняк принял ее удары. Он не сопротивлялся смене картин и отмене сухого закона на клубнику. Камню было всё равно, кто платит за его тепло. Но Анастасия чувствовала: дом наблюдает за ней. Тысячами слепых окон, миллионами волокон старого дерева, памятью каждой пылинки в солнечном луче.

Она прошла к своему рабочему столу. Открыла блокнот, который недавно хотела выбросить. Взяла перо.

Если этот дом — крепость, думала она, выводя ровные строки, то любая крепость нуждается в гарнизоне. Дед набрал гарнизон из страха. Она собиралась набрать его из смысла. Проблема заключалась в том, что смысл нельзя выписать из банка. Его приходилось искать в темноте. В той самой темноте, из которой обещал появиться Элей.

«День первый. Вторая запись, — написала она. — Укрепление периметра завершено. Начинаю раскопки фундамента. Если под ним окажется бездна — значит, так тому и быть. Жить на песке глупее, чем падать в пропасть».

Она подчеркнула последнюю фразу дважды. Захлопнула блокнот.

До полудня оставалось три часа. Впереди был отчет казначея, разговор с инженером о стеклянной крыше и встреча с прошлым, упакованным в промасленный лен. Анастасия поправила манжету. Посмотрела на свои руки — сильные, белые, готовые брать и ломать.

Впервые за долгие годы, прошедшие с детства, проведенного в вечных переездах и страхе, она почувствовала под ногами твердую почву. Почва эта состояла из миллионов кирпичей чужого тщеславия. Но это была ее земля. И она намеревалась вырастить на ней сад, даже если ради этого придется залить всё асфальтом сначала.

Глава 3. Пересмотр штата

Утро началось не с запаха кофе или звона посуды. Оно началось со звука удара трости о мраморный пол вестибюля. Ритм был четким, отрывистым, напоминающим строевой шаг прусских гренадеров: раз-два. Пауза. Раз-два.

Анастасия стояла на галерее второго этажа, облокотившись на балюстраду из красного дерева. Трость в ее руке принадлежала деду — тяжелая, инкрустированная серебром вещь, которая обычно использовалась для указания на недостатки в работе садовника с высоты птичьего полета. Сейчас она играла роль дирижерской палочки.

Внизу, в огромном холле, выстроились женщины. Это была армия. Сорок семь горничных, восемь судомоек, шесть белошвеек, три кастелянши и две гардеробщицы. Цветастые платья, крахмальные чепцы, передники разной степени свежести. Они стояли неровными шеренгами, сбившись в кучки по симпатиям, кто-то переминался с ноги на ногу, кто-то украдкой зевал. Обычное утреннее построение при старом графе было формальностью: Марфа Игнатьевна обходила строй, выслушивала жалобы, раздавала подзатыльники ленивым, и день начинался своим чередом.

Сегодня всё было иначе.

Марфа Игнатьевна стояла чуть в стороне, сложив руки на животе. Лицо экономки напоминало лик каменной мадонны

— скорбное, но непреклонное. Она выполнила приказ хозяйки буквально: собрала всех женщин «женского персонала» в главном холле к восьми утра. Теперь она наблюдала за происходящим с плохо скрываемым ужасом человека, который сорок лет поддерживал порядок одним лишь авторитетом возраста, а сейчас видит, как этот авторитет хоронят заживо.

Анастасия перегнулась через перила. Ее профиль четко вырисовывался на фоне тусклого ноябрьского света, падающего из высокого окна купола. Черное платье строгого кроя, волосы собраны так туго, что кожа на висках натянулась. Ни капли вчерашней усталости. Только холодный, геометрический гнев. — Господа прислуга, — голос ее прозвучал негромко, но акустика холла превратила его в гул колокола. Женщины внизу вздрогнули и наконец выровняли ряды. — Меня зовут Анастасия Сергеевна Воронежская. Я владелица этого дома. Вы смотрите на меня снизу вверх не потому, что я стою на лестнице, а потому что ваши жизни теперь зависят от того, насколько высоко я позволю вам подняться. Забудьте всё, что вы знали о службе здесь до сегодняшнего дня. Старый граф умер. Вместе с ним умерла традиция закрывать глаза на воровство, грязь и праздность.

Она сделала паузу, постукивая набалдашником трости по камню. Звук эхом отдавался от сводов. — Дом запущен. Он провонял затхлым жиром, несвежим бельем и сплетнями. Мне доложили, что вчера вечером кухарка скармливала объ-

едки со стола своей племяннице вместо того, чтобы отправить их в котельную. Мне доложили, что горничная из северного крыла вторую неделю прячет в матрасе серебряную солонку. Мне доложено, что белье после стирки пахнет болотом, потому что прачки сливают воду из корыт обратно в реку, экономя силы на подъеме ведер.

По рядам прошелестел ропот. Лица вспыхнули краской стыда или злобы. Кто-то узнал себя, кто-то — соседку. Анастасия вскинула руку. Тишина упала мгновенно, тяжелая и липкая. — Молчать. Ваше мнение о моих источниках информации меня не интересует. Меня интересуют факты. А факт заключается в том, что штат раздут вдвое. Мы содержим пятьдесят человек там, где справляются двадцать. Половина из вас ест мой хлеб просто за то, что дышит воздухом этих коридоров.

Она выпрямилась во весь рост. Солнце, наконец пробившееся сквозь облака, ударило в витражное окно над входной дверью, бросив цветные пятна — красные, синие, золотые — на бледные лица служанок. Эффект был театральным, почти инквизиторским. — Прохор! — крикнула она вниз. Дворецкий выступил из тени колонны. В руках он держал кожаный саквояж. Звонкий щелчок замков прозвучал как взводимый курок. — Первый этап аттестации, — объявила Анастасия. — Санитарный контроль. Подойдите ко мне те, чьи руки сегодня утром касались кухонной утвари. Поварихи, судомойки, подавальщицы. Живо.

Из левого ряда вышло двенадцать женщин. Они подошли к подножию лестницы, испуганно косясь на дворецкого. Прохор открыл саквояж. Внутри, на бархатной подкладке, лежали хирургические инструменты никелированной стали: щипцы, ланцеты, стеклянные банки. Но внимание женщин привлекли не они. На дне лежало несколько брусков дегтярного мыла самого едкого, аптечного вида.

— Снимите фартуки, — скомандовала Анастасия. — Закатайте рукава до локтя. До предплечья. Выше. Женщины замерли. Приказывать аристократке снимать корсет мог только врач. Приказывать дворянину обнажать руки считалось верхом дерзости. Служанки смотрели на Марфу Игнатьевну, ища защиты. Экономка побледнела еще сильнее, если это вообще было возможно, но осталась неподвижной. — Я жду, — ледяным тоном повторила Анастасия. — Или мне позвать городского пристава? У него есть право осматривать подозреваемых на предмет краж в принудительном порядке. И поверьте, его пальцы будут куда менее деликатными, чем мои.

Шорох ткани. Неуверенные движения. Женщины, краснея и потея от унижения, начали закатывать плотные саржевые рукава своих платьев. Обнажились руки — белые, пухлые, покрытые цыпками, пигментными пятнами и сеткой лопнувших сосудов.

Прохор спустился на первую ступеньку. Он двигался медленно, методично. Остановился перед первой женщиной —

дородной судомойкой Аграфеной, известной своим крутым нравом и грязью под ногтями. — Протяните руки ладонями вверх, — велел дворецкий. Он взял один из брусков мыла. Смочил его водой из фляжки, которую достал из того же саквояжа. Мыло зашипело, вступая в реакцию с влагой, выделяя густой запах дегтя и щелочи. — Откройте. Прохор провел бруском по коже Аграфены. Женщина вскрикнула — мыло въедалось в поры, сжигая многолетний слой въевшегося жира, копоты и земли. Прохор добавил воды и начал растирать пену жесткой полотняной салфеткой.

Это было не умывание. Это была химическая чистка. Через минуту кожа на руках судомойки покраснела, как ошпаренная, обнажив истинный рельеф мозолей и свежие порезы. — Чисто, — констатировал Прохор, отступая. — Мозоли рабочие. Порезы недавние. Ногти острижены под корень. Годна.

Он перешел к следующей. Молоденькой подавальщице Лизавете. Провел мылом. Кожа покраснела, но под слоем грязи, смытой пеной, обнаружилась синеватая тушь, въевшаяся в линии ладони. — Писала письма чужим почерком, — сухо сказал Прохор. — Или подделывала подписи в кладовой. Лизавета рухнула на колени, юбка взметнулась пыльным колоколом. — Матушка-барышня, бес попутал! Муж уговорил, вексель просили скопировать для знакомца! Христом Богом клянусь, серебро не брала! — Встать, — оборвала ее Анастасия сверху. — Ты крадешь мое время сво-

ими слезами. Время стоит дороже серебра. — Куда ее? — спросил Прохор, не глядя на рыдающую девушку. — За ворота. Расчет двойным окладом за отработанные дни, чтобы не поднимать визг на улице. Но вещи оставить здесь. Пусть идет в казенном переднике. Позор должен быть наглядным.

Прохор кивнул двум лакеям, стоявшим у дверей, как статуи. Те молча подхватили Лизавету под локти и поволокли к выходу. Девушка цеплялась ногами за плиты пола, оглашая холл истеричными воплями, которые тут же тонули в массивных дубовых дверях, захлопнувшихся с глухим стуком.

Процедура продолжалась. Прохор переходил от одной женщины к другой. Это был театр жестокости и абсолютной гигиены. Дегтярное мыло снимало слои лицемерия вместе с грязью. Одна лишилась места из-за золотого кольца, спрятанного под наперстком. Другая — из-за следов пудры на манжетах, свидетельствующих о ночах, проведенных вне спальни для прислуги. Третья оказалась здорова, но когда Прохор попросил ее поднять стопу, выяснилось, что башмак надет на босу ногу. — Грибок, — брезгливо бросил дворецкий. — Источник инфекции. В доме, где готовят еду. — Увольнение без рекомендаций, — немедленно отозвалась Анастасия. — Передай Марфе, пусть выдаст ей денег на лекаря, но порог этого дома она больше не переступит. Инфекция распространяется быстрее паники.

К девяти утра половина женской половины штата стояла на коленях, рыдая и целуя край платья Анастасии, пока та

оставалась недвижимой, как изваяние Фемиды. Аттестация закончилась. Воздух в холле пах озоном, мокрым деревом и животным страхом.

Анастасия вернулась на галерею. Прошла вдоль перил, глядя на оставшихся. Их осталось восемнадцать. Потрепанных, зареванных, с красной кожей на руках, но прошедших чистилище.

Она остановилась посередине. Посмотрела на них долгим, изучающим взглядом, лишенным всякого сочувствия. — Вы остались, — произнесла она. Голос ее звучал уже тише, но от этого казался еще более опасным. — Не потому, что вы мне понравились. Понравиться мне невозможно, я слишком редко испытываю эту эмоцию. Вы остались, потому что ваш труд имеет физическую ценность. Вы умеете работать руками. Но это не значит, что ваша жизнь стала легче. Она стала честнее.

Она подняла трость и указала ею на огромную хрустальную люстру, висящую в центре холла. Сотни подвесок ловили свет, разбрасывая блики. — Видите это? — спросила она. — Здесь десять тысяч граней. Если хотя бы одна будет мутной, свет преломится неправильно, и вся комната погрузится в сумрак. Каждая из вас — грань этой люстры. Запачкаете себя ложью — погаснете. Вас выбросят и заменят стеклорезом.

Анастасия повернулась к Марфе Игнатьевне, которая всё это время стояла не шелохнувшись, прижимая к груди гросс-

бух. — Марфа. Жалованье всем выжившим — удвоить. Начиная с текущего дня. Экономка моргнула. По рядам пронёсся общий судорожный вздох, похожий на порыв ветра. — Барышня... — начала было Марфа, но Анастасия перебила: — Удвоить, я сказала. Но ввести систему штрафов. Опоздание на одну минуту — вычет дневного жалованья. Пятно на скатерти, замеченное гостем — вычет недельного. Пропажа ложки — расчет и тюрьма за пособничество. Зарплата станет высокой настолько, чтобы ее было страшно потерять. Свободны. Все вон отсюда. Кроме тебя, Марфа. И Аграфены. Аграфена, подойди.

Толпа рассеялась стремительно, словно ртуть. Женщины бежали прочь из холла, боясь задержаться хоть на секунду, будто стены могли обрушиться им на головы. Остались трое: новая хозяйка наверху, старая экономка внизу и дородная судомойка, неловко переминающаяся с ноги на ногу возле колонн.

— Спускайся, — велела Анастасия. Аграфена тяжело затопала по парадной лестнице. Дерево отзывалось на каждый ее шаг недовольным скрипом. Женщина явно ожидала подвоха. После публичного унижения добрых слов не ждут. — Тебе сколько лет? — спросила Анастасия, когда Аграфена остановилась тремя ступенями ниже. — Сорок два, барышня, — буркнула женщина, глядя в пол. Лицо ее всё еще пылало от пережитого страха и действия щелока. — Семнадцать лет службы при моем деде, — добавила Марфа, заглянув в

свои записи. — Характер скверный. Язык острый. Руки золотые. Готовит соус бешамель лучше любого француза из «Донона». Никогда ничего не крала. Любит выпить вишневой настойки по воскресеньям. — Настойку будешь получать от меня, — сказала Анастасия. — Бутылку к Рождеству, если годовой отчет кухни сойдется до копейки. Слушай меня внимательно, Аграфена. Отныне ты — мажордом женского корпуса. Твой новый титул — интендант. Твоя задача — сделать так, чтобы эти ленивые кошки работали. Ты можешь бить их скалкой, можешь лишать обеда, можешь заставлять чистить нужники зубными щетками. Мне плевать на методы. Мне важен результат. Если сор на полу — виновата ты. Если пересолен суп — виновата ты. Если кто-то из них снова попытается украсть ложку — отвечать будешь ты своим местом и своими деньгами. Поняла?

Глаза Аграфены, маленькие и хитрые, поднялись от пола и встретились с глазами Анастасии. В них мелькнуло изумление, быстро сменившееся пониманием. Впервые за долгие годы кто-то дал ей власть официально. Дед требовал результатов, но всегда наказывал за суровость методов. Новая хозяйка предлагала карт-бланш. — Как не понять, барышня, — усмехнулась Аграфена, показывая щербатый рот. — Дело привычное. Порядок будет. Прикажете начинать прямо сейчас? — Начнешь с инвентаризации белья. Каждый рушник. Каждую наволочку. Всё, что прохудилось — в ветошь. Всё, что блестит — под замок. Ключи носить при себе. Спать бу-

дешь четыре часа в сутки, пока не вычистишь авгиевы конюшни прачечной. Свободна.

Аграфена поклонилась так низко, что едва не задела носом ступеньку, развернулась и пошла прочь, переваливаясь, как боевая галера. Впервые за утро Анастасия позволила уголкам губ дрогнуть. Железная рука нашла свою латную перчатку.

Когда шаги стихли, Анастасия сошла вниз. Она встала рядом с Марфой Игнатьевной. Ростом экономка едва доставала ей до плеча. — Зачем тебе это? — тихо спросила Марфа, глядя вслед ушедшей Аграфене. — Страх правит людьми надежнее любви. Любовь проходит, голод забывается, а память о розгах остается навсегда. Так учил старый граф. — Старый граф умер в одиночестве, окруженный вещами, которые ненавидел, и слугами, которых презирал, — ответила Анастасия, направляясь к дверям своего кабинета. — Я намерена жить долго. А люди работают хорошо либо от великой идеи, либо от великого страха. Идею я им дать не могу — они слишком тупы для метафизики. Значит, останется страх. Но страх сытого человека отличается от страха голодающего. Сытый боится потерять статус. Голодный боится смерти. Я буду держать их сытыми. И постоянно напоминать, что за воротами начинается смерть.

Она вошла в кабинет. Марфа последовала за ней, плотно прикрыв дверь, отсекая звуки начавшейся в кухне суматохи — Аграфена уже принялась наводить порядки, судя по жен-

скому визгу в дальнем крыле.

На рабочем столе ждал завтрак. Простой, армейский: горячая гречневая каша с маслом, кусок черного хлеба и чай в стакане с подстаканником. Никаких круассанов, никаких паштетов. Анастасия села в кресло. Кресло недовольно скрипнуло старой кожей, принимая новую форму тела.

— Что с казначеем? — спросила она, принимаясь за кашу. Ела она жадно, по-мужски, не заботясь об этикете. Утренняя экзекуция сожгла калории лучше любой скачки. — Илья Матвеевич прибыл, ждет в приемной, — доложила Марфа. — Напуган вашим распоряжением о клубнике. Просит письменного подтверждения сметы, говорит, что жена его убьет, если узнает, что он санкционировал такие траты в ноябре. — Пусть войдет. И принеси мне папку с личными делами мужской прислуги. Дворецкие, камердинеры, лакеи, истопники, кучера. Сегодня в одиннадцать у нас вторая часть марлезонского балета.

Марфа вышла. Анастасия допила чай залпом. Сахара не было. Горечь на языке помогала сосредоточиться.

Илья Матвеевич вошел боком, словно протискиваясь сквозь невидимую узкую дверь. Маленький, кругленький человечек в потертом вицмундире, с огромным портфелем, зажатом под мышкой. Его лысина блестела от испарины, хотя в кабинете было прохладно. Он сделал три шага к столу и попытался поклониться, запутавшись в собственных ногах. — Доброго здравия, ваше сиятельство... Анастасия

Серг... Госпожа Воронежская... — пропищал он. — Имею честь представить балансовые ведомости за истекший квартал... — Бросьте бумаги на стол, Илья Матвеевич, — устало махнула рукой Анастасия. — И перестаньте дергаться. Вы портите воздух вибрациями неуверенности. Садитесь. Хотите каши? Нет? Зря. Гречка успокаивает нервы.

Казначей осторожно опустил на краешек стула, положив свой портфель на колени, словно щит. — Я позволил себе смелость подготовить справку по экстренным расходам, — затараторил он, пытаясь вернуть себе почву под ногами через профессиональную рутину. — Вызов архитектора по оранжерее — аванс тысяча рублей. Телеграммы в Ригу и Париж — четырнадцать рублей тридцать копеек. Повышение жалованья персоналу согласно вашему утреннему приказу — экстраполируя на год, плюс двести сорок тысяч к фонду оплаты труда. Это катастрофическое отклонение от бюджета покойного Алексея Николаевича. Двадцать процентов годовых, заложенных на содержание, сгорят к маю.

Анастасия перестала есть. Она смотрела на казначеева поверх очков, которых у нее не было — взгляд стал фирменным приемом деда, заимствованным из чистого подражания. — Илья Матвеевич, посмотрите на меня. Видите это платье? Шерсть. Стоит сорок рублей. Скучное. Куплено в лавке готового платья, потому что у меня не было времени ждать портного. Видите этот стол? Красное дерево. Видите потолок? Штукатурка. Этот дом потребляет деньги, как паровоз уголь.

Мой дед тратил сотни тысяч на орхидеи, которые сгнивали в вазах, и на взятки чиновникам, чтобы те не замечали уклонения от налогов на рудниках. Я сокращаю расходы на мертвое. И вкладываю в живое. Люди — это единственный актив, который нельзя переплавить в слитки. Пока они лояльны моей щедрости, они охраняют мою спину бесплатно. Когда они поймут, что я скуплюсь на спичках, они начнут продавать чертежи фундамента конкурентам. Вам ясно арифметическое обоснование повышения зарплат? — Более чем, — пролепетал казначей, промокая лоб батистовым платком. — Однако общество... Свет... — Плевать мне на свет, — отрезала Анастасия. — Клубнику доставить к семи утра. Самую крупную. Если курьер застрянет в сугробе, наймите вертолет. Есть у нас в империи вертолеты? Неважно, изобретите. Далее. Касса личных нужд графа. Сколько там оставалось на момент его смерти?

Вопрос был коварным. Казначей побледнел так, что веснушки на его лице проступили черными точками. — Ваше сиятельство... Алексей Николаевич имел... специфические фонды. Неподотчетные. Золото в слитках. Камешки. Векселя на предъявителя. Они никогда не проходили по главной книге... — Где они? — голос Анастасии упал до шепота. — Сейф-секрет за книжным шкафом в библиотеке. Код меняется еженедельно. Граф вводил его лично. Я приносил ему новые ключи каждое воскресенье. Там... значительные суммы. Назначение средств мне неизвестно. Граф называл это

«фондом на случай бегства».

Анастасия откинулась на спинку кресла. Вот оно. Тайна деда. Деньги, предназначенные не для жизни, а для исчезновения. Фонд свободы, которой сам старик так и не воспользовался. — Принесите содержимое сейфа мне в кабинет. Весь металл. Все бумаги. К шести вечера. Сами не открывайте, пришлите за мной. Если ошибетесь с кодом трижды, механизм заблокируется, и нам придется взрывать стену динамитом. Я предпочитаю тишину. Ступайте. И подготовьте чековую книжку. Будем тратить капитал. Много. Быстро. Чтобы дым стоял столбом.

Казначей выскользнул за дверь, оставив после себя запах дешевого одеколона и паники.

Оставшись одна, Анастасия подошла к окну. Было уже далеко за девять. Город за окном жил своей шумной, бестолковой жизнью. Извозчики переругивались на углу, торговка селедкой кричала басом, мальчишка-газетчик бежал по мостовой, размахивая листками.

Слух. Мысль пришла внезапно, как разряд тока.

Дом закрыт изнутри. Дисциплина установлена внутри. Но что происходит снаружи? Мир не заканчивается чугунной оградой особняка. Мир пишет о ней. Прямо сейчас.

Она резко обернулась к двери. — Прохор! Дворецкий возник мгновенно, словно материализовался из воздуха. — Газеты. Все сегодняшние утренние выпуски. «Санкт-Петербургские ведомости», «Голос», «Новое время», биржевые

листки. Купи на улице, если нужно, вырви из рук киоскера. И найди мне редактора самой желтой газетенки в этом городе. Имя, адрес редакции и сумму, которую он берет за молчание. Срок — час. — Будет исполнено.

Пока Прохор отсутствовал, Анастасия вызвала старшего лакея. Сухонького, юркого мужчину по имени Савелий, отвечавшего за гардероб деда. — Открой шкафы Алексея Николаевича, — велела она. — Я хочу видеть его одежду.

Савелий засуетился, отпирая тяжелые резные створки. Внутри висели десятки сюртуков, мундиров, халатов. Дорогая шерсть, английский твид, китайский шелк. Анастасия провела пальцами по ткани. Одежда была идеально чистой, выглаженной, готовой к немедленному использованию. Дед планировал прожить еще лет двадцать. Смерть застала его врасплох, несмотря на все подземелья и тайные сейфы. — Найди мне самый простой костюм, — распорядилась Анастасия. — Темно-серый. Шерсть. Ничего броского. Рубашку без кружев. Галстук черный. И ботинки. Практичные, на низком каблуке. Размер мой. Портного сюда. Через два часа. Мерку снять в соседней комнате. Мне нужны три смены одежды к вечеру. Рабочая амуниция.

Она одевалась не для бала. Она готовилась к войне. Войне за собственную империю, границы которой совпадали с границами этого особняка.

Газеты прибыли, когда часы били десять. Прохор выложил их на стол веером. Анастасия схватила верхнюю —

бульварный листок «Северный Меркурий», известный своими скандалами. Развернула.

На третьей полосе, среди рекламы средства от геморроя и объявлений о продаже подержанной мебели, была небольшая заметка. Набранная мелким, игривым шрифтом: *«Сенсация на Английской набережной! Похороны грозного старца Воронцовского обернулись фарсом. Юная наследница, доселе прозябавшая в неизвестности, явилась в гнездо аристократии подобно фурии. Говорят, дьявол носит Prada, но наша петербургская львица предпочитает кровь и сталь. Старая знать изгнана с позором, получив медный грош вместо миллионов. Кровавая графиня или железная леди? Ставки принимаются в клубе "Эпикуреец". Поговаривают, что ночью новоиспеченная хозяйка собственноручно секла прислугу дегтярным мылом. Воистину, век просвещения приносит дивные плоды!»*

Анастасия прочитала заметку дважды. Сначала ее лицо оставалось спокойным. Затем уголок рта дернулся. Она расхохоталась. Громко, заливисто, запрокинув голову. Хохот в мертвой тишине кабинета звучал жутко и одновременно освобождающе.

— Дегтярное мыло! — выдохнула она, вытирая выступившие слезы. — Ах вы крысы печатные. Им нужна кровь. Хорошо. Они ее получают.

Она взяла чистый лист бумаги, обмакнула перо в чернила и начала писать стремительным, летящим почерком: *«Гос-*

подину редактору. Узнав о публикации вашего издания касательно событий в моем доме, спешу внести ясность. Сумма, выплаченная родственникам, составила тысячу рублей ассигнациями каждому, что соответствует действительности. Однако сумма, выплаченная моему информатору в вашей редакции за сведения о цвете моего нижнего белья, составит пятьсот рублей золотом. Если вы опубликуете опровержение размером в четверть полосы завтра к полудню, упомянув, что мыло было обычным карболовым, а не дегтярным (что оскорбляет достоинство отечественной химической промышленности), я удваиваю гонорар. Если же вы решите продолжить травлю, мой адвокат свяжется с вами относительно иска о клевете, который разорвет ваше предприятие на куски, а заодно инициирует проверку ваших связей с контрабандистами из Кронштадта вашим главным конкурентом. Выбор за вами. С почтением, А.В.»

Она посыпала письмо песком, свернула, капнула сургучом и прижала печатью ворона. — Отправь это с курьером, — велела вошедшему Прохору. — Лично в руки. И проследи, чтобы курьер получил рубль на водку за скорость.

Затем она взяла следующий лист. Пора было приступить к мужской половине населения особняка. Если женщины сломались перед лицом гигиенического террора, то мужчины — истопники, конюхи, лакеи — народ физически сильный, часто пьющий и склонный к бунтам другого рода. Там одного мыла будет мало. Там понадобится политика.

В одиннадцать часов холл снова наполнился звуком шагов. На этот раз тяжелых, шаркающих, пахнущих сапожной ваксой и табаком. Сто двадцать пар глаз. Лакеи в livреях, истопники в закопченных фартуках, кучера в кафтанах. Мужчины стояли вольнее, некоторые даже пытались перешептываться. Физическая сила давала им иллюзию неуязвимости перед хрупкой девицей.

Анастасия появилась на галерее точно вовремя. Она переоделась. Вместо черного бархата — простая шерстяная юбка и белая блуза с высоким воротом, какие носят курсистки или фельдшеры. Волосы были зачесаны назад и спрятаны под простую сетку. Никакой косметики. Она выглядела не хозяйкой поместья, а управляющим заводом.

Она не стала спускаться. Просто посмотрела на них сверху вниз. В правой руке она держала длинный охотничий хлыст из плетеной кожи. Она крутанула его в пальцах. Свист рассекаемого воздуха прозвучал громче любого гонга. — Смирно, — скомандовала она. Голос изменился. Исчезли женские певучие нотки. Остался сухой, властный металл.

Мужчины в холле вздрогнули. Шепотки прекратились. Шеренги выровнялись. Даже старый кучер Антипыч, прослуживший в доме полвека и считавший себя неприкосновенным, втянул живот и расправил плечи. — Я смотрю на вас, — начала Анастасия, переводя взгляд с лица на лицо. — И вижу толпу дармоедов. Ваши руки привыкли держать бутылки, а не факелы. Ваши спины знают тяжесть сна, а не

мешков с углем. Мой дед платил вам за преданность. Я плачу за работу. Преданность проверяется пулей, работа — метлой.

Она сделала паузу, наслаждаясь тем, как взгляды мужчин опускаются к полу. — С сегодняшнего дня форма одежды — единообразная. Эти идиотские ливреи с золотыми позументами — в огонь. Они собирают пыль и мешают двигаться. Всем заказать куртки из плотной шерсти цвета воронова крыла. Кожаные сапоги. Белые перчатки выдавать только для сервировки стола, остальное время руки должны быть рабочими.

Она перехватила хлыст поудобнее. — Второе. Алкоголь. Любой запах спиртного приравнивается к попытке диверсии. Первое замечание — штраф месячного оклада. Второе — расчет без права восстановления. Проверять буду лично. Каждую смену. Подходить и дышать в лицо. У кого слабый желудок — заранее запаситесь мятными лепешками.

Хлыст со свистом разрезал воздух и ударил по перилам галереи. Дерево брызнуло щепками. Мужчины в холле инстинктивно присели. — Третье. Безопасность. Среди вас есть шпионы. Ваших конкурентов, моих недоброжелателей, городской полиции. Мне всё равно, чей хлеб вы жуете помимо моего. Но если я узнаю, что информация уходит за стену — я уничтожу не только вас. Я уничтожу вашу семью. Детей ваших определяют в работные дома, жен — в публичные дома на Ямской. Правило действует в обе стороны. Любому, кто

сообщит мне о заговоре против хозяйки или о краже имущества, выплачивается премия в размере годового жалования. Стукачам выгоднее быть моими друзьями, чем моими врагами.

Она обвела их тяжелым взглядом. Холл замер. Казалось, даже пламя в газовых рожках приглушило свой свет, испугавшись собственной наготы перед такой концентрацией власти. — Вопросы есть? — спросила Анастасия. Вперед вышел старый Антипыч. Снял шапку, комкая ее в огромных лапах. Лицо его было красным от волнения, но глаза смотрели прямо. — Барыня... — голос его дрожал, но не от страха, а от старости. — Мы люди подневольные. Куда хозяин, туда и мы. Старый граф, царствие небесное, зверь был, но понятный. Своих не бил зазря. А вы... молодая вы. Кровь горяча. Сломаете хребет дому. Народ такого страху не любит. Бойтся — да. Но служить душой не будет. Сбежит при первом пожаре. Оставьте вы нас самих с этим чертовым домом. Он ведь живой, дом-то. Его любить надо, а не хлыстом...

Тишина стала звенящей. Старик перечил ей. Публично. В лицо. Нарушая субординацию, ради которой она устроила этот парад. Любой другой господин уволил бы его на месте, приказал бы высечь на конюшне.

Анастасия наклонилась вперед, опираясь на перила. Она смотрела на кучера долго, очень долго. Потом уголки ее губ тронула улыбка. Но это была не улыбка милости. Это была улыбка хищника, нашедшего равного. — Ты прав, Антипыч,

— спокойно сказала она. — Дом живой. И он умирает от скуки. Вы все умираете от скуки. Вы превратились в детали интерьера. Я дам вам войну. Каждому. С грязью, с холодом, с временем. Мы будем перестраивать этот мавзолей. Мы поставим стекло на крышу. Мы пустим горячую воду в каждую людскую. Мы сделаем так, чтобы этот дом стал самым современным механизмом в Европе. Вы будете проклинать меня каждый вечер, засыпая без сил. Но по утрам вы будете гордиться мозолями на своих руках. Потому что это будут мозоли победителей, а не рабов.

Она выпрямилась. Хлыст снова оказался в ее руке, но теперь она не ударила им. Она подбросила его в воздух, поймала за рукоять и резко переломила о собственное колено. Две половинки упали на паркет с глухим стуком. — Инструмент насилия мне не нужен, — громко объявила она. — Нужен инструмент созидания. Инженеры придут днем. Ваша задача — обеспечить им рабочее место. Чтобы ни одна пылинка с потолка не упала на их чертежи. Разойтись. Трудовая смена началась пять минут назад. Кто опоздает к топке котлов — оплатит перерасход угля из своего кармана.

Мужчины стояли еще секунду, переваривая увиденное. Переломанный хлыст. Признание правоты бунтаря. Обещание работы до седьмого пота. Это не было похоже на управление. Это было похоже на религию нового бога. Бога эффективности.

Они начали расходиться. Вперед других пошел Антипыч.

Проходя мимо лестницы, он вдруг остановился, посмотрел вверх и неожиданно поклонился в пояс — глубоко, земно, до самого пола. Не госпоже. Мастеру.

Анастасия дождалась, пока последний истопник скроется в подвале. Только тогда она позволила себе выдохнуть. Ноги внезапно налились свинцом. Адреналиновый шторм, державший ее в напряжении последние четыре часа, схлынул, оставив звенящую пустоту в голове.

Она подобрала обломки хлыста. Положила их на стол в кабинете.

Город гудел. Редактор «Северного Меркурия», получив письмо, наверняка сейчас пьет валерьянку и материт судьбу. Прислуга растеряна, напугана, но впервые за десятилетия чувствует вкус настоящей задачи. Штаты пересмотрены. Механизм смазан кровью и страхом.

Она села за стол. Открыла блокнот. Рука, сжимающая перо, мелко дрожала. Энергия уходила, оставляя после себя лишь выжженную землю. Но эта земля была ее. Полностью. Безраздельно. От фундамента до флюгера.

Она открыла страницу, где остановилась утром, и приписала новую строку: *«14:00. Штат укомплектован. Лояльность куплена оптом. Страх внедрен инъекционно. Начинаю главную фазу эксперимента. Если Элей существует, ему понравится архитектура грядущего хаоса. Если нет — я сама стану демоном этого места».*

Перечитав написанное, Анастасия закрыла дневник. В ка-

бинете начало темнеть — солнце заволокло тяжелой снежной тучей. Первые крупные хлопья белого пепла медленно поплыли за стеклом, оседая на черные крыши Петербурга.

Глава 4. Тень покойного графа

Снег пошел всерьез только после заката. Он падал не хлопьями, а плотной, ватной стеной, мгновенно стирая границы между черной водой Невы и свинцовым небом. К полуночи Петербург превратился в белый слепой кокон, глушащий звуки и замедляющий время. Внутри особняка Воронцовых эта природная агония чувствовалась иначе. Дом больше не дышал сыростью склепа. Благодаря распоряжениям Анастасии трубы отопления загудели ровнее, калориферы раскалились докрасна, и по анфиладам поплыл сухой, здоровый жар, пахнувший нагретым металлом и сосновой смолой.

Анастасия стояла у окна малой гостиной, той самой, где вчера утром была растоптана гордость старой знати. Сейчас комната выглядела стерильной. Белые стены, которые она приказала обтянуть холстом еще днем, отражали свет трех канделябров. Пространство казалось чистым листом бумаги, ожидающим первого слова. Но писать здесь было нельзя. Это место для приемов, для масок, для лжи. Для настоящей работы требовался центр бури.

Она вернулась в кабинет деда. Дверь закрылась за ней с мягким пневматическим шипением — Прохор лично смазал петли гусиным жиром час назад, заметив, что хозяйка раздражается от скрипа.

Стол был завален результатами дневного переворота. Го-

ры бумаг, извлеченных из бюро и секретеров. Казначей Илья Матвеевич выполнил приказ дословно: он вывалил перед ней содержимое тайников Алексея Николаевича, даже не пытаясь сортировать. Золотые империалы лежали вперемешку с неоплаченными счетами от зеленщика, акции железнодорожных компаний соседствовали с засушенным цветком лаванды, заложенным между страниц какой-то древней рукописи.

Анастасия работала уже двенадцать часов подряд. Спина затекла, глаза жгло от напряжения, но сонливость исчезла бесследно, сменившись состоянием холодного, звенящего бодрствования, знакомого хирургам во время многочасовых операций. Она методично перебирала бумажный тлен чужой жизни.

Сначала шли финансовые руины. Долговые расписки мелких дворян, проигравшихся в карты. Обязательства купцов первой гильдии. Ипотечные закладные на доходные дома в районе Сенной площади, где люди жили по пять человек на одну койку. Обычный капитализм жестокой эпохи. Ничего нового. Дед умел быть ростовщиком, это читалось в сухом языке цифр.

Затем пласт изменился. Анастасия вытащила из стопки плотный конверт из синего сафьяна, запечатанный пятью сургучными печатями с гербом, которого она никогда прежде не видела: не ворон, а двуглавый орел, держащий в лапах не скипетр и державу, а весы и связку змей.

Печати хрустнули под лезвием ножа для писем легко, словно были сделаны из сахара. Внутри оказались три документа.

Первый — карта железных дорог Нельвии. Не та, что висела в министерстве путей сообщения, пестрящая утвержденными маршрутами. Эта была нарисована от руки на пергаменте чернилами цвета запекшейся крови. Тонкие красные линии отмечали существующие пути. Толстые синие пунктиры прорезали Уральский хребет там, где официально не было даже охотничьих троп. Красные крестики стояли на месторождениях меди и никеля, о которых Геологический комитет империи заявлял как о «бесперспективных». Рядом с каждым крестиком стояла цифра — количество пудов чистого металла, добытых за прошлый год. Цифры исчислялись сотнями тысяч.

Второй документ заставил Анастасию встать со стула. Это был реестр судов. Сухогрузы, танкеры, буксиры. Флагман флотилии носил имя «Алексей Воронежский». Порт приписки — Панама. Грузоподъемность — десять тысяч тонн. Текущее местоположение согласно радиограмме недельной давности — Сингапур. На борту: пшеница государственного резерва, выкупленная через подставную фирму накануне слухов о грядущем голоде в Поволжье. Цена закупки занижена втрое благодаря закрытому тендеру, который провели за закрытыми дверями министерства финансов. Подпись приемщика неразборчива, но печать казначейства подлинная.

Третий документ добил ее. Толстая тетрадь в кожаном переплете. Личный грессбук графа. Открыв его на случайной странице, Анастасия прочитала: *«14 сентября. Перевод транша Банку Ротшильда (Париж) — 2 млн франков. Цель: блокировка законопроекта о протекционизме в палате депутатов. Депутат Дюпон (взятка), Сенатор Леблан (шантаж фотографиями), Газета "Le Monde" (доля в приисках). Итог: закон отклонен. Убыток перекрывается прибылью от экспорта стали (+15% пошлины сохранены)»*.

Следующая запись: *«2 ноября. Засуха в южных губерниях. Приказ управляющему Херсонским элеватором: придержать отгрузку зерна до февраля. Паника на бирже. Покупка фьючерсов через лондонских маклеров. Прибыль к марту составит 400%. Распорядиться частью средств на строительство бесплатных столовых? Нет. Народ должен помнить вкус голода, чтобы ценить плоть»*.

Анастасия опустилась в кресло, которое еще недавно занимал дед. Кожаные подушки жалобно скрипнули, принимая новую тяжесть. Кровь отлила от лица. Руки, сжимающие тетрадь, похолодели.

Это не было богатством. Богатство — это когда ты можешь купить себе дворец или армию лакеев. То, чем владел Алексей Николаевич Воронежский, имело другое название. Государственная измена. Экономический терроризм. Абсолютное, тотальное управление кровеносной системой страны.

Граф не просто сидел на мешках с золотом. Он *был* экономикой Нельвии. Он решал, какая цена будет на хлеб в Туле, замерзнет ли зимой Архангельск из-за нехватки угля и получит ли молодой инженер заказ на мост через Волгу или сопьется в долговой яме, потому что граф решил поддержать другого поставщика цемента.

Дед выстроил систему зеркал. Официально рудниками управлял Государственный совет. Нефтью — консорциум иностранных инвесторов. Железными дорогами — министерство. Но нити всех этих кукол сходились сюда, в этот кабинет, в пальцы старика с глазами безумного ученого. Он играл в бога, используя вместо шахматных фигур миллионы живых душ.

И теперь эти фигуры стояли над телом упавшего короля, глядя на нее.

Тишина кабинета вдруг стала давящей. Анастасия почувствовала спиной взгляд. Тот самый тяжелый, исследовательский взор с портрета, который она велела снять и отправить в свою старую квартиру. Но сейчас ей показалось, что портрет вернулся. Что сам Алексей Николаевич сидит в тени книжных шкафов, закинув ногу на ногу, и ждет, справится ли внучка с управлением этим чудовищным механизмом.

— Ты оставил мне не наследство, — прошептала она в пустоту, обращаясь к тени деда. — Ты оставил мне ядерный реактор с сорванными предохранителями. И кнопку пуска прямо у меня под пальцем.

Она резко тряхнула головой, прогоняя морок. Мистика мистикой, но физика процесса требовала немедленного вмешательства. Если завтра утром биржевые маклеры узнают, что рука, подписывающая векселя Воронежского, больше не принадлежит старику, империя рухнет за один день. Кредиторы потребуют долгов. Поставщики поднимут цены. Конкуренты, которых дед удерживал в узде лишь намеком на компромат, разорвут активы на куски.

Нужно было действовать. Прямо сейчас.

Анастасия встала. Прошлась вдоль стола. Взгляд ее упал на бюро дяди Иллариона, то самое, куда она заглянула мельком сразу после оглашения завещания, ища бумагу для письма редактору. Тогда она искала оружие против родственника. Теперь она смотрела на него как на источник информации о врагах системы.

Илларион ненавидел брата лютой ненавистью неудачника. Но зависть — лучший инструмент шпиона. Чтобы ненавидеть эффективно, нужно знать всё о предмете своей ненависти. Илларион годами собирал компромат на деда, надеясь однажды передать папку государю императору и увидеть голову брата на плахе.

Анастасия подошла к бюро. Провела рукой по резной панели. Дерево чуть заметно отходило от каркаса. Тайник. Старый, как мир. Нажать на глаз филина, потянуть за клюв ворона.

Панель отошла беззвучно. За ней обнаружилось про-

странство размером с дорожный саквояж. Внутри не было золота. Там лежали бумаги. Аккуратно сложенные, перетянутые бечевкой папки.

Анастасия взяла верхнюю. Надпись на обложке, сделанная почерком Иллариона, гласила: *«Козни А.В. Транспортные артерии Востока»*.

Она развязала шнурок. Из папки выпал тонкий лист рисовой бумаги — калька с чертежом. Развернув его на столе при свете лампы, Анастасия присвистнула сквозь зубы. Это была схема Транссибирской магистрали. Но если государственная карта показывала путь через крупные города, то эта версия шла дикими степями, огибая болота, проходя в десяти верстах от золотых жил Бодайбо и платиновых россыпей реки Лены. Станции на карте носили кодовые имена: «Объект Зенит», «Убежище-4», «Склад-К».

Под картой лежал список имен. Сто двадцать фамилий. Инженеры-путейцы, начальники дистанций, телеграфисты. Против каждой фамилии стояла пометка: «Лояльность (страх семьи)», «Куплен (акция в Лондоне)», «Наемник (немецкая школа диверсантов)».

Это была параллельная железная дорога. Частная ветка длиной в несколько тысяч верст, проложенная параллельно государственной за счет бюджета Министерства путей сообщения через подставных лиц. По этой дороге вывозили пушнину, золото и лес, минуя таможенные посты. По этой же дороге, судя по зашифрованным пометкам красным карандашом

(«Груз-А»), везли нечто гораздо более серьезное. Оружие. Партии новейших винтовок Мосина, списанных с армейских складов как «некондиция», переправлялись в Сибирь. Куда? Зачем? Ответ крылся в следующей папке.

«Проект "Северное сияние"», — прочитала Анастасия на корешке. Открыла. Здесь запахло уже не деньгами, а порохом и большой политикой.

Доклады агентов. Карты северных морей. Вырезки из английских газет о таянии льдов Арктики. Граф планировал освоение Северного морского пути задолго до того, как адмирал Макаров произнес слово «ледокол». Более того, в папке лежали патенты на конструкцию усиленного форштевня, оформленные на никому не известного инженера в Гамбурге. Деньги на постройку экспериментального судна поступали через банк в Цюрихе.

Алексей Николаевич строил частный ледокольный флот. Зачем частному лицу, пусть и самому богатому в стране, флотилия, способная ломать арктические льды? Торговля с Японией круглый год? Бред. Япония слишком слаба экономически. Китай? Возможно. Но маржа не оправдывает таких затрат.

Ответ нашелся на самом дне сейфа. Маленький конверт из плотной бумаги. Внутри — одна-единственная фотография. Четкая, сделанная хорошим объективом. Пейзаж. Каменистая пустыня, выжженное солнцем плато. На горизонте — горы. И посреди пустыни — вышка. Странная конструк-

ция из переплетения балок, похожая на Эйфелеву башню, которую переехал каток. Возле вышки стоят крошечные человеческие фигурки в пробковых шлемах.

На обороте фотографии твердым почерком деда было выведено: *«Англо-Персидская компания. Месторождение №7. Май, 1905. Качество пробы: 98% чистоты. Объем залежей оценивается в два годовых бюджета Российской Империи. Черное золото. Держать англичан на коротком поводке через поставки продовольствия. Мой выход на сцену — весна следующего года. Операционное имя проекта: Элей».*

Элей. Слово ударило хлыстом. Анастасия села. Имя метафизической сущности из отцовских бредней внезапно приобрело плотность базальта. Плотность нефти.

Отец писал о духе свободы, о сознании вселенной. Дед использовал это слово как кодовое название нефтяного месторождения мирового значения, находящегося на территории враждебной Персии, контролируемой британским флотом.

Всё встало на свои места. Картина сложилась в жуткую, законченную мозаику. Алексей Николаевич Воронежский давно перестал быть подданным Российской Империи. Он создал собственное государство внутри государства. Его армия — частные охранные отряды на рудниках. Его полиция — шантаж министров. Его валюта — информация. Его религия — контроль.

И самым страшным было не то, что он обладал этой властью. Самым страшным было то, что система продолжала ра-

ботать. Часовой механизм, заведенный десятилетия назад, тикал безупречно. Телеграф отстукивал депеши. Пароходы резали волны. Инженеры чертили новые ветки дорог. Механизму было всё равно, чья рука лежит на рычаге — старого маразматика или двадцатилетней девушки. Ему нужна была лишь воля. Холодная, расчетливая, готовая жертвовать пешками ради партии.

В кармане юбки завибрировало. Анастасия вздрогнула от неожиданности. Никакого телефона в кабинете не было. Она сунула руку глубже и нащупала холодный металлический предмет.

Медный диск размером с ладонь. На лицевой стороне выгравирована спираль. В центре — кнопка. Дедова игрушка. Вызов начальника охраны. Система внутренней связи, основанная на электромагнитной индукции, проведенная через батареи отопления. Граф называл ее «Паутиной».

Вибрация означала входящий вызов. Капитан Ерофеев вызывал ее.

Анастасия нажала на кнопку большим пальцем. Металл обожг кожу холодом. Из динамика, скрытого в резьбе стола, раздался треск статики, а затем низкий, прокуренный бас: — Хозяйка. Докладывает Ерофеев. У нас гости. Внешний периметр. — Кто посмел нарушить мой приказ о закрытии дома в снегопад? — голос Анастасии прозвучал ровно, хотя сердце пропустило удар. Первый тест системы безопасности. Первая проверка реальности. — Пара черных ворон, — ответил

капитан. Голос его оставался спокойным, но в нем слышалось напряжение хищника, учуявшего чужака на своей территории. — Двое. Мужчины. Появились со стороны набережной минут десять назад. Одеты слишком хорошо для такой погоды. Шубы английского сукна, ботинки ручной работы. Оставили пароконный экипаж за углом, кучера отправили греться в трактир взяткой. Идут пешком. Скользят, но идут. Направляются к центральным воротам. Требуют встречи с вами. Личным именем. Называют себя представителями Государственного банка.

Государственный банк. Департамент вкладов. Люди, которые приходят не просить, а требовать. Скорее всего, они узнали о смерти графа от своих информаторов в похоронном бюро или полиции. Пришли наложить арест на счета до выяснения обстоятельств наследования. Стандартная процедура, которая должна была стать первым гвоздем в крышку гроба ее независимости.

— Они вооружены? — спросила Анастасия, одновременно выдвигая ящик стола и доставая оттуда схему внутренних помещений. — Только интеллектом, хозяйка. И законом. Больше им ничего не нужно. Закон — лучшее ружье против частного капитала. — Хорошо сыграно, капитан, — усмехнулась Анастасия. В темноте кабинета ее зубы блеснули белизной. — Пропустите их. Одного. Второго оставьте мерзнуть в караулке. Пусть оценит прелести нашей вентиляции. Встречающему гостю идти по северному коридору.

Медленно. Пусть полюбуется на голые стены. Я приму его в библиотеке. Через двадцать минут. Ни минутой раньше. — Будет исполнено. Конец связи.

Щелчок. Вибрация прекратилась. Анастасия осталась одна в тишине, наполненной гулом труб.

Она посмотрела на разложенные по столу доказательства краха привычного мира. Карты. Фотографии. Гроссбухи.

Если она сейчас спустится вниз и примет чиновника как просительницу, дрожащую сиротку, впервые увидевшую настоящую власть империи, — всё кончено. Ее сомнут. Заберут доверенности, опечатают сейфы, назначат внешнего управляющего (скорее всего, того же дядю Иллариона), и грандиозное предприятие деда пойдет с молотка за долги.

Но если она встретит его так, как встречал гостей сам Алексей Николаевич...

Анастасия начала действовать стремительно. Страх ушел окончательно, смытый волной холодной ярости. Ярости ребенка, у которого пытаются отобрать единственную игрушку, оказавшуюся заряженным револьвером.

Она дернула за сонетку трижды. Коротко. Сигнал для Марфы Игнатьевны, отработанный ими сегодня днем: «Экстренная смена образа».

Экономка появилась через минуту вместе с Аграфеной, которая теперь выполняла роль личного камердинера вне кухни. — Библиотека. Стол. Убрать всё лишнее, — бросила Анастасия, сбрасывая шерстяную блузу прямо на пол. —

Оставить только лампу с зеленым абажуром. Кресло хозяина повернуть к двери. Принесите вино. Бордо. Девятьсот третьего года. Один бокал. Полный. Второй даже не ставьте. — Барышня, ваш корсет... — начала было Марфа, потрясенно глядя на хозяйку, расстегивающую лиф платья. — К дьяволу корсет, — отрезала Анастасия. — Мне нужен позвоночник свободного человека, а не фарфоровая кукла. Несите мужской сюртук. Темный. Тот, что остался от репетиции портного. Рубашку без ворота.

Через десять минут трансформация завершилась. Анастасия стояла перед зеркалом в библиотеке.

Корсет валялся на полу грудой китового уса и шелка. На ней была простая белая рубашка, распахнутая у горла, темные брюки мягкого сукна, заправленные в высокие сапоги мягкой кожи. Никаких юбок. Женские формы скрывал тяжелый, почти мужского покроя сюртук, плечи которого пришлось слегка подложить паклей, чтобы создать нужный силуэт — властный, квадратный, подавляющий.

Волосы она оставила забранными в сетку, но выпустила на лоб одну влажную прядь. Лицо было бледным, губы сжаты в тонкую линию. Никакой пудры. Никакой краски. Только чистота и угроза.

Она села в кресло деда. Положила ноги в сапогах на край письменного стола, прямо поверх карты торговых путей. Закурила. Папиросу она нашла в ящике деда — крепчайший турецкий табак, от которого слезятся глаза.

Когда тяжелые дубовые двери библиотеки начали открываться, она даже не повернула головы. Она смотрела на огонь в камине, позволяя вошедшему рассмотреть себя в профиль. Силуэт женщины в мужской одежде, курящей в кресле покойного диктатора среди разгромленных стеллажей.

Послышались шаги. Твердые, уверенные шаги человека, привыкшего ходить по мрамору государственных канцелярий. Человек остановился. Анастасия слышала, как участилось его дыхание. Чиновник ожидал увидеть скорбящую племянницу в кружевах. Вместо этого ему подсунули демона.

— Добрый вечер, — нарушила молчание Анастасия. Голос ее звучал низко, с легкой хрипотцотой от табачного дыма. Она наконец повернула голову. Посмотрела на гостя в упор. — Садитесь. Если найдете куда. Мы тут немного... переезжаем. Или разрушаем. Я еще не решила.

Гость откашлялся. Это был господин средних лет, с идеальным пробором, ухоженными бакенбардами и глазами цвета промерзшей земли. Представитель Госбанка. Живая функция закона. — Госпожа Воронецкая? — уточнил он неуверенно, переводя взгляд с брюк хозяйки на карту на столе. — Я имею честь говорить с Анастасией Сергеевной? — Имеете, — кивнула она. — Хотя понятие чести в стенах моего дома нынче крайне гибкое. Как и понятие долга. Вы промокли? Снег ужасный. Присаживайтесь в то кресло. Оно неудобное, зато безопасное. Я проверила его на наличие

отравленных игл полчаса назад. Привычка старого режима.

Чиновник сел. Осторожно, будто кресло могло его уку-
сить. Он положил свой портфель на колени, защищаясь им,
как щитом. — Я приношу извинения за столь поздний визит,
ваше сиятельство, — начал он официальным тоном, пытаясь
вернуть себе почву под ногами. — Однако смерть вашего дя-
ди, господина действительного тайного советника, повлекла
за собой необходимость временной заморозки активов. Со-
гласно уложению о банковской деятельности, статья сорок
вторая... — Скучно, — перебила Анастасия. Она затянулась
папиросой и медленно выпустила кольцо дыма прямо в ли-
цо гостю. — Давайте пропустим ту часть, где вы цитируе-
те мне статьи, которые сами написали позавчера специаль-
но под эту ситуацию. Я знаю статью сорок вторую. Я сама
вложила сто тысяч рублей в избирательную кампанию депу-
тата, который протолкнул поправку о приоритетном праве
доступа к ячейкам в случае внезапной кончины вкладчика.
Хотите узнать номер моей ячейки в вашем банке? Могу под-
сказать. Там лежат документы, доказывающие, что половина
залогового имущества вашего председателя правления при-
обретена на деньги, украденные с поставок гнилого мяса в
действующую армию во время войны. Продолжим играть в
бюрократию или перейдем к сути?

Лицо чиновника пошло белыми пятнами. Портфель дрог-
нул в его руках. — Суть проста, сударыня, — выдавил он. —
До завершения процедуры легитимации наследства и упла-

ты пошлин, все операции по счетам Дома Воронцовских приостановлены. Вот предписание.

Он полез в портфель. Движение было неловким, торопливым. Он хотел закончить этот кошмар как можно скорее, убежать отсюда, выпить водки и написать рапорт о необходимости психиатрического освидетельствования новой владелицы.

Анастасия молниеносно выбросила руку вперед. Не вставая с кресла, она схватила чиновника за запястье железной хваткой. Пальцы, натренированные фехтованием, сдавили нервные узлы. Мужчина вскрикнул, роняя портфель. Бумаги веером рассыпались по ковру. — Не тяните туда руки, любезный, — ласково сказала Анастасия, наклоняясь вперед. Сапог соскользнул с края стола, глухо ударив по паркету. — Во-первых, это невежливо. Во-вторых, мои собаки обучены реагировать на резкое движение в сторону моих вещей. Их две. Кавказские овчарки. Вес каждой около ста килограммов. Они сейчас спят в вестибюле, но звонок Сонетки-три приведет их сюда быстрее, чем вы успеете дочитать свое предписание до конца.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.